

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ

Культура повседневности

Алла Сальникова

**История елочной игрушки, или
как наряжали советскую елку**

«НЛО»

2011, 2023

Сальникова А.

История елочной игрушки, или как наряжали советскую елку / А. Сальникова — «НЛО», 2011, 2023 — (Культура повседневности)

ISBN 978-5-44-482337-7

Елочные игрушки таинственным образом превращают обычное дерево в волшебную сказку. Однако сказка эта всегда была тесно связана с жизнью, которая прочитывалась в елочной игрушке, как в открытой книге. В центре исследования доктора исторических наук Аллы Сальниковой находится советская елочная игрушка, хотя большое внимание уделено и ее предшественницам – игрушкам дореволюционным. Как наряжали советские елки? Как и из чего делали украшения? Как их использовала власть, и как относились к ним дети и взрослые? И что произошло с елочными игрушками после распада СССР?

ISBN 978-5-44-482337-7

© Сальникова А., 2011, 2023

© НЛО, 2011, 2023

Содержание

От автора	8
Глава 1	13
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алла Сальникова

История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку

Культура повседневности

АЛЛА САЛЬНИКОВА

ИСТОРИЯ ЕЛОЧНОЙ ИГРУШКИ, ИЛИ КАК НАРЯЖАЛИ СОВЕТСКУЮ ЕЛКУ

Новое литературное обозрение

Москва

2024

УДК 398.332.42(470+571)(091)

ББК 77.056

С16

Редактор серии Л. Оборин

Алла Сальникова

История елочной игрушки, или Как наряжали советскую елку / Алла Сальникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – (Серия «Культура повседневности»).

Елочные игрушки таинственным образом превращают обычное дерево в волшебную сказку. Однако сказка эта всегда была тесно связана с жизнью, которая прочитывалась в елочной игрушке, как в открытой книге. В центре исследования доктора исторических наук Аллы Сальниковой находится советская елочная игрушка, хотя большое внимание уделено и ее предшественницам – игрушкам дореволюционным. Как наряжали советские елки? Как и из чего делали украшения? Как их использовала власть, и как относились к ним дети и взрослые? И что произошло с елочными игрушками после распада СССР?

В оформлении обложки использована работа И. Дмитриева «Дед Мороз» (2000 г; холст, масло)

ISBN 978-5-4448-2337-7

© А. Сальникова, 2011, 2024

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2011

© И. Дмитриев, иллюстрация на обложке, 2011

© ООО «Новое литературное обозрение», 2011; 2012; 2024

Мальш со снежным комом; папье-маше, роспись, слюда; 1950-е гг., Ленинград. Из коллекции Л. Блатт

Моему сыну Аркадию, сделавшему первые в своей жизни шаги к наряженной новогодней елке...

Из коллекции Л. Блатт. 1. Богемская монтированная подвеска «цветок». 2. Медведь с мячом; картон; 1936–1966 гг. 3. Ребенок в пальто; папье-маше, вата, цветная папиросная бумага; 1920-е гг. 4. Корзинка с цветком; проволока, картон; завод «Москабель», 1940-е гг. 5. Дед Мороз; пластмасса, роспись; 1960-е гг. 6. Бегемот; дрезденская картонажная, фольгированная; 1890–1920-е гг. 7. Гриб в шляпе; прессованная вата, гуашь, роспись, картон; 1960-е гг. 8. Жираф; вата, роспись, слюда; 1950-е гг. 9. Музыкальный инструмент; стекло, ручная роспись; 1920-е гг.

От автора

Мир вещей, окружающих человека в повседневной жизни, разнообразен и многолик. Среди них есть такие, без которых не прожить и дня. Есть и такие, к которым обращаются лишь изредка, например елочные игрушки. В самом деле, без них легко обойтись. Но скольких счастливых и радостных минут были бы лишены дети (да и взрослые), утратив возможность увидеть елку в ее великолепном убранстве! Как тускло, уныло и «раздето» выглядела бы она без своего новогоднего праздничного наряда!

Эта книга посвящена истории советской елочной игрушки, истории далеко не простой. Безусловно, возникла эта игрушка не на пустом месте. Она не была чем-то искусственно сконструированным, как иногда могло бы показаться на первый взгляд – ведь советская власть не просто жестко разграничила православное «буржуазно-дворянское» Рождество и советский «атеистический» Новый год вместе со всеми присущими им праздничными атрибутами, но и жестко противопоставила их друг другу. Однако изменившееся почти до неузнаваемости смысловое содержание, а зачастую и форма елочных украшений отнюдь не свидетельствовали о полном разрыве с традициями, и прежде всего с традицией их широкой востребованности в праздничном быту. Другое дело, что и в имперской России елочная игрушка довольно медленно и не всегда успешно пробивалась к массовому потребителю и промышленному производителю. Потребление ее было действительно четко стратифицировано и ограничено по социальному принципу, а производство, даже кустарное и полукустарное, развито слабо. Оно носило в основном подражательный характер и не вылилось в создание оригинальной эстетики российского елочного украшения.

После 1917 года елочные игрушки были то жестоко гонимы властью, то всячески ею поощряемы, то отчаянно критикуемы как «контрреволюционные пережитки», то широко пропагандируемы как элементы новой советской праздничной культуры. Но именно в советское время в СССР была создана оригинальная, самобытная елочная игрушка, составляющая немаловажную часть культурного наследия советской эпохи. В середине 60-х годов прошлого века в связи с переходом к массовому промышленному производству и окончательным «затвердением» советских праздничных практик эта самобытность и динамизм в развитии советских елочных украшений были фактически утрачены – их заменило массовое шаблонное тиражирование уже имевшихся образцов. Однако вне всяких сомнений, что даже и тогда елочная игрушка продолжала играть важную роль в обретении советской идентичности. Эта роль всегда расценивалась властью как едва ли не самая главная для елочной игрушки, а сами украшения широко использовались в политических, воспитательных и образовательных целях, причем как среди детей, так и среди взрослых.

Изменив или потеряв свою прежнюю идеологическую составляющую, советская елочная игрушка органично встроилась и в постсоветское культурное пространство, продолжая успешно существовать в новых условиях.

Есть множество способов, ракурсов и аспектов репрезентации вещи в культуре. Ее можно рассматривать как результат индивидуального или группового, коллективного (социального, профессионального, возрастного, гендерного, национального и пр.) производственного и потребительского опыта и как орудие властных практик. В системе материальных и ментальных ценностей эпохи она может быть представлена и описана как изделие и как товар, как предмет и как носитель информации, как порождение культуры и как ее явление. Особую сложность заключает в себе процесс понимания, транскрибирования и интерпретации «вещного» текста и перекодирования языка его оригинала. В данной работе елочная игрушка рассматривается и как объект, и как средство изучения советской праздничной повседневности. Такой подход позволил охарактеризовать ее по возможности целостно и не односторонне,

хотя, конечно же, далеко не с исчерпывающей полнотой. Представляется возможным также применение к елочной игрушке предлагаемого сегодня некоторыми исследователями метода «культурной биографии вещей» (по аналогии с антропологически ориентированной биографистикой)¹, но не в узком смысле, как только биографии товара, а в гораздо более широком, как истории бытования вещи в культуре, как источника по истории жизни общества². Все это позволяет вписать изучение елочной игрушки в контекст четко обозначившегося в последнее время «материального» познавательного поворота в гуманитаристике и показать, как «консюмеризм, семиотика и рост культурных исследований» могут обеспечить новые подходы³ в изучении прошлого. Ведь вещи особо ценны тем, что с ними совсем по-иному «прочитывается» повседневность: они хранят в себе осколки чужих вкусов, мечтаний, настроений, желаний и просто самой жизни.

При написании книги был использован диахронный метод изложения материала. История советской елочной игрушки рассматривалась во временном континууме с учетом тех изменений, которые происходили с ней на протяжении более чем семи десятилетий ее бытования в советской, а затем и в постсоветской культуре. Особое внимание было уделено периоду второй половины 1930-х – начала 1960-х годов как времени превращения елочной игрушки в СССР в массовую производственную и художественную продукцию, времени формирования и утверждения советского елочного «игрушечного» канона, способствовавшего распространению и усвоению новых политико-культурных поведенческих и ментальных стереотипов. Стремлением проследить историко-культурную преемственность, наличие которой никак нельзя отрицать, было вызвано появление специальных разделов книги, посвященных роли и месту елочной игрушки в дореволюционной российской праздничной традиции и в современных культурных практиках и культурной памяти представителей различных поколений российских граждан.

Хотя в потреблении елочной игрушки в СССР царила известная унификация и столичный диктат здесь был очень силен, приобщение к ней в провинции, особенно провинции «национальной», имело свою специфику, обусловленную как особенностями регионального менталитета, культуры, традиций, так и наличием соответствующих сил и возможностей для следования столичной моде или для собственных экспериментов в этой области. Едва ли правильно говорить о том, что для местных елочных украшений была характерна какая-то особая инациональная окрашенность, но культурно-бытовые практики их потребления, безусловно, разительно отличались от столичных. На материалах Архангельска, Казани, Оренбурга и ряда других городов России в книге приведены примеры такого особого, провинциального способа бытования елочной игрушки. Это дало возможность определить и сопоставить общие тенденции в «жизни» елочной игрушки в пределах всего советского пространства с некоторыми местными, региональными особенностями ее производства и потребления.

Основными источниками исследования явились прежде всего сами елочные игрушки, отложившиеся на хранение в музеях, сохранившиеся в частных коллекциях, выставляемые на продажу в магазинах и антикварных салонах, украшающие ныне домашние и общественные елки, и их изображения из различных каталогов, картины, рисунки, фотографии, запечатлевающие новогодний праздник с его главным атрибутом – елкой и ее украшениями. Хотелось бы

¹ Kopytoff Y. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process // Appadurai A. (ed.). The Social Life of Things. Cambridge, 1996.

² Недаром одной из основных задач истории и социологии материальной культуры признается изучение процессов развития общества через изучение повседневной жизни его членов, а вещь выступает в данном случае и как источник по истории познания повседневности, и как источник по изучению социально-исторических и историко-культурных процессов (см.: Кнабе Г.С. Вещь как феномен культуры // Музеи мира. М., 1991. С. 111–141).

³ Pykett L. The Material Turn in Victorian Studies. Aberystwyth, 2009 // www3.interscience.wiley.com/journal/118718.685; Bennett T., Joyce P. (eds.). Material Powers: Cultural Studies, History and the Material Turn. Sidney, 2010 и др.

особо поблагодарить казанского коллекционера Л.В. Блатт – владелицу одной из крупнейших в России коллекций елочных украшений – за предоставленную возможность использовать их изображения для оформления книги.

Советские новогодние открытки разных лет

Наряду с визуальными широко использовались и вербальные документы официального и личного происхождения, в которых нашли отражение процессы утверждения елочной игрушки в советском культурном пространстве. Особое место в книге заняли источники устной истории – собранные автором воспоминания, интервью и эссе (более 130)⁴, которые позволили ликвидировать ряд пробелов в имеющейся информации по истории елочной игрушки в России в советское и постсоветское время. Хотя не все эти документы прямо цитируются в тексте в силу повторяемости и однотипности содержащихся в них сведений, именно эта повторяемость и придает данному комплексу источников особую ценность, поскольку, собранные вместе, они успешно воссоздают целостный образ советской/постсоветской елки и украшавшей ее елочной игрушки, а главное – позволяют выявить специфику их рецепции в массовом сознании эпохи. Наконец, невозможность абстрагироваться от собственных впечатлений, безусловно, усилила субъективность исследования, но вместе с тем сделала его более живым и «одушевленным».

⁴ См. список информантов (Раздел «Использованные источники и литература»).

Именно этим и обусловлены лирические отступления мемуарного характера, приводимые в тексте книги.

Анализ имеющихся публикаций показал, что тема елочной игрушки (точнее говоря, рождественских украшений) довольно популярна в зарубежной исследовательской традиции, но до недавнего времени была практически обойдена отечественной исследовательской литературой. Это, с одной стороны, существенно облегчало задачу автора, а с другой – делало ее еще более сложной. Большую помощь при написании данной работы оказала прекрасная книга Е.В. Душечкиной⁵, посвященная истории и мифологии рождественской елки в России и содержащая ряд интересных наблюдений об игрушках и украшениях «русской» елки, а также популярная, но ничуть не потерявшая от этого книга Т.В. Зелениной «Елка моего детства», повествующая об истории рождественской/новогодней елки в Архангельске⁶. Хотелось бы также привлечь внимание читателя к специальной главе, посвященной образу елочной игрушки в русской и советской детской литературе, включенной в монографию М.С. Костюхиной⁷.

Отдельные факты, приведенные в книге, вероятно, общеизвестны и, может быть, даже банальны, но без их изложения невозможно было дать целостное освещение истории советской елочной игрушки. Особое внимание было обращено на ее функциональные и гуманитарно-социальные характеристики, а также на методы ее источниковедческой и историко-культурной интерпретации. Технологическая составляющая была затронута лишь вскользь, поскольку автор не считает себя достаточно компетентным специалистом в этой области.

Такая незначительная, казалось бы, вещица – елочная игрушка. Но в ней как в зеркале отразилась история огромной страны, история ее народа, ее граждан – больших и маленьких. Эту историю не всегда просто прочитать, но, прочитанная, она предстает во всем своем ярком многоцветье, таком же ярком, как и один из ее носителей и хранителей – простая елочная игрушка.

⁵ См.: Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.

⁶ См.: Зеленина Т. Елка моего детства. Архангельск, 2006.

⁷ Эта глава называется «Рождественский рай среди игрушек и сладостей». См.: Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008. С. 30–37.

Фрагмент рождественского украшения из дерева, Эрцгебирге. Специализированный магазин елочных украшений, Берлин, Германия. Февраль 2010. Фото автора

Глава 1

Формы и способы бытования елочной игрушки в культуре

Один богач купил ящик фальшивых елочных игрушек. «Почему фальшивые? Не вешаются? – Вешаются. – Не блестят? – Блестят. – Так что ж тогда? – Не радуют».

Старый анекдот

«Для чего она? – спросил Тень. – Я имею в виду: да, она самая большая карусель в мире, сотни животных, тысячи лампочек, и она все время вращается, но ведь никто никогда на ней не катается». «Она здесь не для того, чтобы на ней катались...», – сказал Среда. – Она здесь для того, чтобы ею восхищались. Для того, чтобы быть».

Нил Гейман. Американские боги. 2001

Ночь. В комнате крошечная тьма – ставни на окнах плотно закрыты. Мне лет пять-шесть. Я лежу в кровати и напряженно вглядываюсь в темноту. Где-то там, в углу, притаилась елка. Ее совсем не видно, не просматриваются даже ее очертания, и только мой любимый шар мерцает и светится в густой тьме своим фосфорически загадочным, волшебным светом. Этот шар отнюдь не самый красивый из всех развешенных на елке украшений. Тускло-золотой, с розовыми и голубыми крапинками и шероховатыми белыми разводами, днем он теряется в массе своих более ярких и сверкающих собратьев. Но вот ночью он, безусловно, первый среди равных. Его голубоватое свечение кажется каким-то космическим, потусторонним, необъяснимо притягательным и одновременно слегка пугающим. Будто он нематериален, будто темнота реальна, а он нет. Я закрываю глаза, но мне кажется, что и с закрытыми глазами я продолжаю видеть этот таинственно светящийся предмет.

Елочных игрушек в доме много. Елка всегда высокая, до потолка, увешена игрушками от макушки до подножия, так что кажется, что им на ней тесно. Здесь есть и мамыны игрушки – первые советские елочные украшения 1930-х годов, приобретенные с огромным трудом в длиннейших очередях в Москве, и скромные кустарные и домодельные игрушки военных и первых послевоенных лет, и регулярно покупаемые мне в предпраздничные дни в большом галантерейном магазине на Советской стеклянные овощи, фрукты, сосульки и фигурки, изображающие героев пушкинских сказок. А еще на елке много немецких игрушек, из Германии, где служит отец. Немецкие игрушки (и я понимаю это еще тогда) явно затмевают отечественные не столько даже великолепием своих красок, сколько изяществом форм и некоей облагороженной натуралистичностью – грациозная пика с колокольчиками, как будто опутанная серебряной паутиной, элегантные шары из тончайшего стекла, мелодично позванивающие золотые и пурпурные колокола, соединенные блестящей тесьмой, разноцветные шишки, покрытые белоснежным инеем, как будто только что снятые с настоящей елки и принесенные из леса. В Новый год ко мне обязательно приходит Дед Мороз (это мой переодетый прадед, благо окладистая седая борода у него своя) и приносит большой мешок, где в соломе прячутся коробки с подарками и среди них – обязательно новые елочные украшения.

Предновогодний Оренбург начала 1960-х. Как обычно, мы идем встречать бабушку с работы. На центральной площади города, у Дома Советов, возвышается огромная елка. На ней – большие фанерные игрушки: самолеты и паровозы с красными звездами, пляшущие зайцы и медведи, раскрашенные мячи и пирамидки. Все сделано топорно и грубо – мне не нравится. Но привносимое яркими, пестрыми игрушками ощущение праздника, безусловно, присутствует, и в этом их безусловная прелесть.

Не нравятся мне и те игрушки, которые я позднее собственноручно произвожу из цветной бумаги на уроках труда в начальной школе – аляповатые разноцветные цепи, неуклюжие снежинки, кривые корзиночки, слегка кособокие фонарики. Дома я никогда бы не повесила их на елку – увы, рукодельница из меня никакая, и выставлять результаты моих трудов напоказ – это уж слишком, но учительница с маниакальной настойчивостью из года в год украшает нашими самоделками новогоднее дерево, стоящее в классе. Трудовое воспитание есть трудовое воспитание. Впрочем, сам процесс изготовления игрушек приятен – он символизирует приближение Нового года.

Генри Мослер. Рождественское утро. Ок. 1916

Переходя от собственных воспоминаний к довольно многочисленным сохранившимся «рождественско-новогодним» воспоминаниям других людей, постоянно убеждаешься в том, что, несмотря на все многообразие описанных в них елок, украшенных вызывающе шикарно

и скромно, стильно и безвкусно, антикварно-раритетно и суперсовременно, все висящие на них игрушки объединяло одно: они призваны были дарить людям радость. И обычно у них это получалось. Радость эта, кстати сказать, могла быть и духовная, и телесная – ведь, как известно, на протяжении долгого времени на елке обязательно присутствовали съедобные украшения, которые раздавались детям (чаще – в конце праздника). На своей первой рождественской елке 1910 года («одно из немногих ранних воспоминаний»!) маленькая девочка была очарована не только «блестящими игрушками и дрожащим пламенем свечей». Более всего ей запомнились снятые с елки орехи и сладкие пряники, которыми ее, тогда трехлетнюю, угощали старшие сестры и брат⁸. Золотые орехи, пастилки и крымские яблочки с «очень красивой елки» – подарки приглашенным на праздник детям – оказались «опробованными» и съеденными задолго до прихода гостей пятилетним Минькой и семилетней Лелей из известного автобиографического рассказа Михаила Зощенко. Так что одному из пришедших мальчиков вместо «откусанного» яблока пришлось подарить первоначально предназначенный для Миньки паровозик⁹. Память тела оказывалась не слабее памяти души.

⁸ Broido V. *Daughter of Revolution: A Russian Girlhood Remembered*. L., 1998. P. 28–29.

⁹ Зощенко М. *Елка* // Зощенко М. *Рассказы для детей*. М., 2009. С. 50–56.

Немецкая рождественская открытка. 1990-е гг.

При всей своей многофункциональности елочная игрушка всегда и неизменно выполняла именно эту – «радующую» – высокогуманную миссию, успешно сочетая ее с задачами образовательно-воспитательного и идеологического характера и даже подчас подчиняя ее им. Осуществляемое через столь притягательное средство воздействие было устойчивым и глубоким, а порождаемые елочной игрушкой позитивные коннотации только еще более укрепляли и усиливали его.

В мире окружающих человека предметов и вещей елочные игрушки занимают свое, особое место. Вот промелькнули новогодние праздники, елку разобрали, игрушки аккуратно уложили по коробочкам и ящичкам и убрали подальше – до очередного Нового года. До тех пор о них никто и не вспомнит, разве что дети, играя в свои обычные детские игры, вдруг подумают, что в этом построенном ими игрушечном зоопарке очень бы пригодился елочный лев, а в игрушечном продуктовом магазине – елочные морковки, огурцы или виноград. Подумают и забудут: ведь играть с елочными украшениями им едва ли когда-нибудь разрешат.

Большую часть времени елочные игрушки действительно остаются невостребованными, но этот факт отнюдь не снижает их ценности, как символической, так и материальной. Елочная игрушка – это, конечно же, вещь, находящаяся «на обочине» потребления, вещь «маргинальная» (Жан Бодрийяр), однако ее маргинальность отнюдь не сводится к ее «внефункциональности» или простой «декоративности». Выполняя «системную функцию знака», елочная игрушка маркирует праздничное досуговое пространство и представляет собой важнейший носитель информации. Как и каждая маргинальная вещь, следуя тому же Жану Бодрийяру, елочная игрушка «будто противоречит требованиям функциональной исчислимости, соответствуя желаниям иного порядка – выражать в себе свидетельство, память, ностальгию, бегство от действительности»¹⁰.

Оказавшись в сказочном, мифологичном елочном пространстве, любая вещь превращается в «волшебный предмет» и может быть в какой-то степени соотнесена с типологией волшебных предметов, представленной в известном исследовании Владимира Проппа «Исторические корни волшебной сказки»¹¹. Будучи глубоко мифологичной, она апеллирует к миру-мифу, но миру-мифу, тесно связанному, соотнесенному с действительностью и, по существу, этой самой действительностью определяемому¹². Ведь, по словам Чарльза Диккенса, именно по веткам рождественской елки «мы карабкаемся к действительной жизни»¹³. Поэтому елочная игрушка являет собой не столько «сказку», сколько образец почти автоматической – сознательной или бессознательной – фиксации реальности художественными средствами, пример «запечатления» нормативных и нормализующих установок власти в художественной форме¹⁴. Материальное и духовное (идеологическое) здесь «взаимно отождествляются», «переплетаются», «рождая новое, художественное единство», «не уничтожая, но уравновешивая друг друга»¹⁵. Находясь на елке, которая является основным, центрирующим началом всего рождественского/новогоднего ритуала, елочная игрушка выполняет важную культурно-конструиру-

¹⁰ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 2001. С. 82.

¹¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

¹² «Мифическая... отрешенность есть отрешенность от смысла, от идеи повседневной и обыденной жизни. По факту, по своему реальному существованию действительность остается в мифе той же самой, что и в обыденной жизни, и только меняется ее смысл и идея» (Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 188).

¹³ Диккенс Ч. Рождественская елка // Диккенс Ч. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. XIX. М., 1960. С. 394.

¹⁴ О таком запечатлении властных установок в «советских вещах» см.: Лебина Н. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 11–28.

¹⁵ Каган М.С. Искусство в системе культуры. Л., 1987. С. 110. То же по существу находим у Ролана Барта при анализе семиотического смысла французской детской игрушки: «Французские игрушки обязательно что-то означают, и это “что-то” всецело социализировано, образуясь из мифов и навыков современной взрослой жизни» (Барт Р. Мифологии. М., 2000. С. 102).

ющую функцию, разъясняя и «проговаривая» его содержание и приобщая к нему таким образом участников праздничного действия.

Маргинальность русской/советской елочной игрушки дополняется такими присущими ей на различных этапах ее существования свойствами, как экзотичность (когда первые елочные игрушки ввозились в Россию из-за границы), уникальность (когда они производились мастерами-искусниками по индивидуальному заказу или изготавливались самими будущими потребителями), фольклорность (когда елочной игрушке специально придавались стереотипно «русские» черты или она облекалась в заведомо «русские» предметные формы – кокошник Снегурочки, валенки на «игрушечных» детях, шуба Деда Мороза, русские богатыри в кольчугах, самовары, характерная орнаментальная роспись и пр.), старинность (особенно сегодня, когда коллекционирование елочной игрушки превратилось в повальное увлечение и настоящую моду). Все это повышает статус елочных игрушек в системе вещей, обеспечивая им высокую степень ценности и сохранности и превращая их в объекты особого почитания и специального хранения. Редко они валяются в ящиках стола или комода, брошенные небрежно, кое-как. Нет, они заботливо хранятся в специальных коробках, тщательно обернутые, переложённые ватой, а иногда и четко систематизированные и скрупулезно описанные, например, в частных или музейных коллекциях.

Хотя елка (и, соответственно, ее атрибуты) находятся в ситуации «детско-взрослого» культурного пограничья и входят в пространство общей, детско-взрослой праздничной повседневности, и в дореволюционной, и в советской России она традиционно рассматривалась в первую очередь как детский праздник. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля (1863–1866) при толковании слова «ель» значилось: «Переняв, через Питер, от немцев обычай готовить *детям* (курсив мой. – А. С.) к Рождеству разукрашенную, освещенную елку, мы зовем так иногда и самый день елки, сочельник»¹⁶. В православных представлениях детскость традиционно ассоциировалась со святостью, что подчеркивалось участием детей в литургии, в сакральных сюжетах Писания и иконописи, в агиографии, а главное, самим каноническим образом младенца Христа¹⁷. Праздник Рождества – праздник обновления, очищения – как нельзя лучше соотносился с образом ребенка как существа срединного, переходного между ангельским и человеческим мирами. Авангард начала XX века создал концепцию «эстетизированной детскости»¹⁸, куда прекрасно укладывалась и рождественская елка со всеми ее атрибутами.

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. СПб., 1863–1866 // slovari.yandex.ru/dict/dal/. Воспитатель двух последних российских императоров, известный государственный и церковный деятель, обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев писал: «Рождество Христово и святая Пасха – праздники по преимуществу детские, и в них как будто исполняется сила слов Христовых: “Аще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие”. Прочие праздники не столь доступны детскому разумению» (Победоносцев К. Рождество Христово // Большая книга Рождества / Сост. Н. Будур, И. Панкеев. М., 2000. С. 523).

¹⁷ Исупов К.Г. Детскость // Культурология: Энциклопедия: В 2-х т. Т. I. М., 2007. С. 559.

¹⁸ Там же.

Американская рождественская открытка. 1900-е гг.

В советское время – время торжества «префигуративной» культуры¹⁹ – дети как носители и трансляторы нового советского опыта также оказались весьма кстати. Накануне нового, 1936 года, возвращая рождественскую, а теперь уже новогоднюю елку после ее запрета, «лучший друг всех советских детей», большевик и партийный функционер Павел Постышев (благодаря возвращению елки ему даже удалось ненадолго разделить это почетное звание с самим Сталиным), призвал в «Правде» организовать «веселую встречу Нового года *для детей* (курсив мой. – А. С.)», устроить «хорошую советскую елку во всех городах и колхозах!»²⁰

Елка принадлежала к той категории праздников, о которых Филипп Арьес писал, что они «оставляли за молодыми монополию на главную роль, отводя другим роль зрителей» (правда, по его словам, «роль эта была подчинена определенному обычаю и соответствовала правилам коллективной игры, собиравшей вместе в одну социальную группу людей всех возрастов»²¹). Взрослые получали от «детской» елки своеобразное, «наивное», по словам А.И. Куприна, удовольствие, причем не меньшее, чем сами дети²². Однако елочные игрушки были ориентированы прежде всего на детей, хотя в равной степени пользовались ими, а главное, производили их (если не принимать во внимание труд малолетних кустарей и отдельные самодельные елочные украшения), конечно же, взрослые. Не удивительно поэтому, что основные черты и характеристики елочных украшений формировались в соответствии со «взрослыми» представлениями о степени игрушечной «полезности» и «необходимости». Изготавливая, производя и приобретая елочные игрушки, взрослые расценивали их в том числе (а иногда в первую очередь) как важнейшее средство воспитания – религиозного, нравственного, эстетического, политико-идеологического. При таком подходе и елочная, и обычная детская игрушка как

¹⁹ Под префигуративной автор термина, известный американский антрополог М. Мид, понимала такой тип культуры, когда взрослые учатся у молодых (Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М., 1988. С. 360–361).

²⁰ Постышев П.П. Давайте организуем детям к новому году хорошую елку! // Правда. 1935. 28 декабря. Как свидетельствуют материалы опросов современников, в тот период елки действительно проводились как детский праздник (см., например: Интервью с О.А. Серegiной // Архив автора (далее – АА)).

²¹ Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 85, 88.

²² Куприн А.И. Тапер // Куприн А.И. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. II. М., 1957. С. 471.

культурные (вещные) маркеры по степени воздействия на ребенка оказывались примерно равнозначными, и для воспитателя было совершенно не важно, станет ли ребенок с игрушкой играть или она просто будет висеть на еловой ветке. Главное, чтобы она стала для ребенка «своей», и тогда важнейшая задача по «присвоению» заложенного в нее взрослыми опыта и смысла была бы успешно выполнена²³.

В детском же понимании и восприятии обычная и елочная игрушки скорее разъединялись, чем объединялись. И связано это было во многом с их существенно отличающейся пространственно-культурной локализацией, прямо сказывавшейся на их функциональном назначении. Детская игрушка очевидно являла собой «вещь, служащую детям для игры»²⁴, хотя, как известно, и обретала этот статус длительно и постепенно, медленно, на протяжении веков выдавливая из массового сознания противопоставление игрушки массовой, народной, «низкой» игрушке «аристократической», «изысканной», «высокой», исполнявшей зачастую лишь роль «накомодной статуэтки». Такая игрушка, писал в 1923 году профессор Л.Г. Оршанский, может быть, была и хороша, «но не для детей», которым позволялось «лишь сквозь стекло ею любоваться»²⁵. Однако со временем игрушка все же составила неотъемлемый и необходимый компонент детских рутинных повседневных практик. Степень ее «присутствия» в детском мире стала максимальной. Ребенок «доминировал» над ней; в обращении с ней он был абсолютно свободен и мог поступать так, как ему заблагорассудится.

Всего этого никак нельзя было сказать об игрушках елочных, принадлежащих к праздничному досуговому пространству. В их «сказочном» мире дети чувствовали себя вполне комфортно именно потому, что понимали и воспринимали елочные украшения как знаки-копии по аналогии с иконическими знаками-игрушками, например куклами. Соответственно, по аналогии они стремились наделить те и другие сходными функциями, главной из которых, с детской точки зрения, было использование их в игре. Но вот тут-то ребенок и сталкивался с непреодолимым препятствием. В XIX веке в соответствии со складывавшимся в России рождественским праздничным ритуалом елка должна была быть сюрпризом, сокрытой от детей тайной, а предвкушение праздника – не менее значимым, чем сам праздник²⁶. К процедуре убранства елки обычно допускались лишь «большие»²⁷. Этой традиции часто придерживались и впоследствии – как на домашних, так и на публичных детских рождественских и новогодних

²³ Об отношении взрослых к игрушке как инструменту социального конструирования см. в работах, специально или частично посвященных теории и истории материальной культуры детства: Baxter J.E. *The Archaeology of Childhood: Children, Gender, and Material Culture*. N.Y.; Toronto: Oxford, 2005; Calvert K. *Children in the House: The Material Culture of Childhood in America, 1600–1900*. Boston, 1992 (русское издание: Калверт К. *Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900*. М.: НЛЮ, 2009); Lillehammer G. *The World of Children* // Sofaer Derevenski J. (ed.). *Children and Material Culture*. N.Y., 2000. P. 17–26; Masters A. *The Doll as Delegate and Disguise* // *Journal of Psychohistory*. 1986. V. 13, No. 3. P. 293–308; Mergen B. *Made, Bought, and Stolen: Toys and the Culture of Childhood* // West E., Petrik P. (eds.). *Small Worlds: Children and Adolescents in America: 1850–1950*. Lawrence, 1992. P. 86–106; Sutton-Smith B. *Toys as Culture*. N.Y., 1986 и др.

²⁴ Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 // slovari.yandex.ru/dict/ushakov/article/ushakov/09/us1113108.htm?text. Аналогичные определения находим и в новейшей справочной литературе. Например: «Игрушка – предмет, предназначенный для детской игры, служащий целям воспитания» (Словарь по общественным наукам: Глоссарий. py // slovari.yandex.ru/dict/gl_social/article/268/268_361.NTM?text); «игрушки – название различного рода предметов, используемых в игровой сфере» (Российский гуманитарный энциклопедический словарь / Под ред. П.А. Клубкова. М., 2002 // slovari.yandex.ru/dict/rges/article/rg2/rg2-0211.htm?text) и др.

²⁵ Оршанский Л.Г. *Игрушки: Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек*. М.; Пг., 1923. С. 19. Об этом см. также: Власова Н. *Народная деревянная игрушка* // *Игрушка*. 1937. № 1. С. 14–17; Овчинникова Е. *Забавы знати* // *Игрушка*. 1937. № 4. С. 18–19; *Игрушки дореволюционной России* // *Игрушка*. 1939. № 2. С. 28–29 и др.

²⁶ Об этом см.: Душечкина Е.В. *Русская елка*. С. 89–95.

²⁷ Двенадцатилетняя Тина Руднева из рассказа А.И. Куприна «Тапер» «только в этом году была допущена к устройству елки». Действие рассказа относится к 1885 году и, как отмечает автор, основано на реальных событиях (Куприн А.И. *Тапер*. С. 468, 471). В советских методических рекомендациях по проведению новогоднего праздника также неоднократно указывалось на то, что наряжать елку должны только учащиеся средних и старших классов – пионеры и комсомольцы (см., например: Флерица Е.А. *Елка в детском саду* // *Елка: Сборник статей о проведении елки* / Под ред. Е.А. Флериной и С.С. Базыкина. М., 1936. С. 12).

елках. Поэтому и накануне, и во время праздника дети не имели возможности делать с елочными игрушками то, чего им, вероятно, больше всего хотелось, а именно играть с ними, как с игрушками обыкновенными²⁸. Им настойчиво внушали, что эти игрушки существуют прежде всего для того, чтобы украшать елку, а не для игры, и такая «отстраненность» делала их еще более привлекательными.

Американская рождественская открытка. 1900-е гг.

Но вот праздник заканчивался, и запрещенное вдруг становилось разрешенным. В дореволюционной России существовала традиция снимать в конце праздника с веток елочные украшения и раздавать их детям либо позволять самим детям срывать с елки понравившиеся вещицы (впрочем, последнее было далеко не безопасно и на публичных елках, как правило, не поощрялось)²⁹. В условиях советского игрушечного дефицита, невысокого уровня благосостояния большинства советских семей и сложностей с финансированием советских детских учреждений «грабить» елку было просто непозволительно. Поэтому на общественных советских елках ребенок обычно получал разрешение снять с елки игрушку лишь как награду, как поощрение – за лучший карнавальный костюм, за рассказанное стихотворение и т. д. Что касается елок домашних, то детям иногда разрешалось снять с елки игрушки и немного с ними поиграть, а потом повесить их обратно – обычно это были менее ценные, прочные и «нетравматичные» игрушки, специально размещавшиеся на нижних ветках.

И вот тут-то детские мечты, наконец, сбывались, и елочная игрушка, потеряв свой особый статус, включалась (пусть и временно, и не навсегда, и отнюдь не всякая, и часто не самая

²⁸ На эту специфичность «детской», «фольклорной», «архаической» аудитории, которая относится к игрушке-тексту «как участник игры: кричит, трогает, вмешивается, картинку не смотрит, а вертит, тыкает в нее пальцами, говорит за нарисованных людей, в пьесе вмешивается, указывая актерам, бьет книжку или целует ее», на желание этой аудитории выступать не созерцателем «чужой мысли», а ее активным адресатом обращал внимание Ю.М. Лотман (Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Избранные статьи: В 3-х т. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 377–378).

²⁹ Е.В. Душечкина приводит примеры такого «разрушения» и «разграбления» елки детьми вплоть до ее низвержения и полного опустошения (см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 96–97).

желанная) в детскую игру именно как вещь, как предмет. А запоминание ее, в том числе и запоминание вложенной в нее информации, осуществлялось прочно и надолго. Ведь давно уже было подмечено, что к числу наиболее устойчивых детских воспоминаний относятся необычные факты и события, сопровождающиеся яркими, насыщенными зрительными образами и сенсорными ощущениями³⁰. Этот момент был учтен в советских воспитательных практиках, допуская в ряде случаев функциональную взаимозаменяемость игрушки елочной игрушкой обычной и наоборот.

С другой стороны, определенно осознавая важность и необыденность елочной игрушки, дети стремились «подтянуть» до ее уровня, приблизить к ней своих игрушечных любимцев. Так, мой сын в детстве постоянно пытался водрузить на елку, причем на самое ее видное и почетное место, своего любимого «мягкого» игрушечного зайца.

Заметим, что и во взрослых повседневных практиках подчас наблюдалось использование елочных игрушек отнюдь не по прямому назначению. Еще совсем недавно в окнах некоторых сохранившихся старых одно- и двухэтажных домов можно было видеть выложенные на вате между рамами елочные игрушки – незатейливое украшение скромного интерьера и фасада. А в провинциальных центрах, прославившихся изготовлением стеклянных елочных украшений: в Клину, Павловском Посаде, Дятькове и близлежащих селах, населенных мастерами-игрушечниками, – издавна было принято выставлять в окнах наиболее удачные образцы, созданные хозяином дома. Так что, пройдясь по улицам, можно было узнать, в каком доме живет самый искусный стеклодув³¹.

Содержательная сложность понятия «елочная игрушка» и его неоднозначная трактовка были во многом predetermined самой историей елочной игрушки в России. Ведь первоначально упоминаемые в текстах висящие на русских елках вместе со съедобными украшениями игрушки были игрушками в самом прямом смысле этого слова. В своем многотомном труде «Быт русского народа» (1848) А.В. Терещенко писал: «Ее (елку. – А. С.) обвешивают детскими игрушками, которые раздают им (детям. – А. С.) после забав»³². Обычные детские игрушки украшали и советскую елку в период игрушечного дефицита второй половины 1930-х годов. В XIX веке наряду с термином «елочные игрушки» широко употреблялись такие синонимичные понятия, как «блестящие вещицы», «безделушки»³³. Сам же термин «елочные игрушки» достаточно рано стал использоваться в русской языковой практике расширительно, как синоним «елочных украшений». Такая трактовка его стала распространенной и общепринятой, подразумевая под собой, вероятно, не только предмет развлечения и забавы, но и что-то нарядное и очень изящное (сравним: «Автомобиль у нее – ну прямо игрушка!»). Являясь носителем социально-культурной информации, игрушка, как замечал Е.Г. Овечкин, не просто что-то слепо копирует, но специфически («игриво») отражает: отражаемое может быть увеличено или уменьшено, обострено или притуплено, расцвечено или обесцвечено и т. д.³⁴ Вплетаясь в ткань обыденной жизни, любые игрушки, а тем более игрушки елочные, в то же время «как бы надстраиваются или даже возвышаются над обыденностью, выделяются в особую “надповсе-

³⁰ Coe R. When the Grass Was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. New Haven: L., 1984. P. 99.

³¹ Такое «окно» не так давно было выставлено в Музее дятьковского хрустала.

³² Терещенко А.В. Быт русского народа: В 7-ми т. Т. VII. СПб., 1848. С. 86.

³³ «Елка... вся кругом искрилась и сверкала блестящими вещицами» (Диккенс Ч. Рождественская елка. С. 393); «огромная елка до потолка блестит... золотыми безделушками» (Толстой И.Л. Мои воспоминания. М., 1987. С. 66); «она... сверкает бесчисленным количеством всяких висящих на ней ярких безделушек» (Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980. С. 92).

³⁴ Овечкин Е.Г. Игрушка как феномен культуры и средство духовного развития // www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2000/txt/ovechkin.php.

дневную” сферу жизни и деятельности человека» и возводятся, таким образом, «в ранг гипер-реальности, некоего высшего, “хрустального”, возвышенного мира»³⁵.

³⁵ Шипулина Н.Б. Игра и игрушка в сфере повседневной культуры // *Studia culturae*: Альманах. Вып. 2. СПб., 2002. С. 206.

Рождественская открытка. 1900-е гг.

Многообразие елочных игрушек, сложившееся в России к началу XX века, обусловило необходимость их классификации, что достаточно отчетливо просматривалось даже в торговых прейскурантах того времени и затем было закреплено в советских распорядительных, учетных и дидактических документах. По функциональному назначению елочные игрушки делились на игрушки, «обеспечивающие общий вид елки» (шары, звезды, флажки, дождь, гирлянды, бусы и пр.); игрушки «для рассматривания» (фигурки людей, животных, птиц, изображения различных предметов, картинки-панорамы и др.); игрушки «с движением, звуком, сюрпризами» (хлопушки, вращающиеся колеса, игрушки с колокольчиками и т. п.); «вкусные» игрушки (живые яблоки, апельсины, орехи, расписные пряники, коробочки с конфетами); игрушки под елкой, которые должны были создавать некую целостную картину, и «световые эффекты» (фейерверк, бенгальские огни и пр.)³⁶. По материалу изготовления елочный ассортимент подразделялся на изделия из ваты, из папье-маше и пластичных масс, из воска и желатина, из текстиля, из мишуры, плющенко и канители, из дерева, из металла, из туалетного мыла, изделия стеклодувные и из литого стекла, картонажно-бумажно-штампованные изделия и изделия сахарно-пряничные³⁷. Этот перечень несколько разрушает стереотипно сложившееся представление о хрупкости как об одном из основных качеств елочной игрушки. На самом деле елочные украшения могли сохраняться не только годами, но и десятилетиями. И сегодня на домашних елках можно встретить даже дореволюционные елочные игрушки.

Особенно «живучими», несмотря на всю свою кажущуюся недолговечность, оказывались елочные игрушки в домашнем пространстве, поскольку в наибольшей степени – наряду с другими предметами-символами – олицетворяли собой тот «образ родного дома», о котором писал Жан Бодрийяр³⁸. Сама рождественская/новогодняя елка зачастую стояла в центре семейных мифологических сюжетов, а елочные игрушки могли стать семейными реликвиями, сочетая в себе мемориальную и эстетическую ценность, часто – изготовленные в прошлом самими членами семьи. Герой романа Стивена Кинга «Мертвая зона» (1979), Джон Смит, несколько мрачно, саркастично и в то же время совершенно верно подмечает это характерное свойство елочной игрушки: «Вот ведь как забавно с этими елочными игрушками. Когда человек вырастает, мало что остается из вещей, окружавших его в детстве. Все на свете преходяще. Не многое может служить и детям и взрослым... Свою красную коляску и велосипед ты променял на взрослые игрушки – автомобиль, теннисную ракетку, модную приставку для игры в хоккей по телевизору. Мало что сохраняется от детства... Только игрушки для рождественской елки в доме родителей. Из года в год все те же облупившиеся ангелы и та же звезда из фольги, которой увенчивали елку, небольшой жизнерадостный взвод стеклянных шаров, уцелевших из целого батальона... Господь Бог – просто шутник. Большой шутник, он создал не мир, а какую-то комическую оперу, в которой стеклянный шар живет дольше, чем ты»³⁹.

³⁶ Об этом см.: Ершова О. Елочный ассортимент // Игрушка. 1936. № 7. С. 24; Елочные игрушки // Игрушка. 1939. № 10. С. 27–28.

³⁷ О.Ч. О производстве елочных украшений // Советская игрушка. 1936. № 7. С. 25.

³⁸ «Вещи, словно антропоморфные боги-лары, воплощающие в пространстве аффективные связи внутри семейной группы и ее устойчивость, становятся исподволь бессмертными» (Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 19).

³⁹ Кинг С. Мертвая зона. М., 2002. С. 191–193.

Фото Е. Сярой. 2009

Бережно сохранялись старые елочные игрушки в семейных дворянских коллекциях, включавших, как известно, произведения разного художественного достоинства, с которыми обычно были связаны различные «семейные истории или память о предках»⁴⁰. Особенно отчетливо эта тенденция проявлялась в провинции, где существовала особая «традиция привязанности» к старым вещам⁴¹. И в советское время, несмотря на уплотнения, тесноту, частые переезды и подчас откровенную нищету, с елочными игрушками не спешили расставаться. Кроме того, в отдельные периоды советской истории купить их было практически невозможно, и приходилось довольствоваться тем, что есть.

Другое дело, что семантическая связь между елочной игрушкой и историческим контекстом специально и преднамеренно акцентировалась далеко не всегда. Но овеществленная в елочных игрушках память о прошлом⁴², подкрепленная семейными меморатами, сознательно или подсознательно окрашивающими это прошлое в яркие или темные тона, безусловно способствовала конструированию как личностных, так и групповых идентичностей, наделяла представлениями о далеком и недавнем историческом прошлом, навязывала правила «чужой» и формировала правила «своей» игры в культурно-политическом пространственном контексте эпохи.

Постоянно возвращая зрителей к жизненным реалиям, елочные игрушки в то же время представляли великолепную возможность для эскапизма, для сознательного или неосознан-

⁴⁰ См.: Сизинцева Л.И. Хронотоп провинциала // Русская провинция: Культура XVIII–XX вв. М., 1992. С. 33.

⁴¹ Об этой традиции писал, в частности, в своих неопубликованных воспоминаниях в 1920-е годы бывший казанский дворянин Б.П. Ильин. См.: Завьялова И.В. Семейная коллекция казанских дворян Ильиных // Казанский посад в прошлом и настоящем: Сборник статей. Казань, 2002. С. 182.

⁴² О вещной памяти см., в частности: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 52–58.

ного бегства в сферу утешительно-радостного, умиротворяющего, ведь нахождение в культурно-семантическом «елочно-игрушечном» поле так или иначе означало возвращение в детство, сулящее защищенность, беззаботность, надежду. Казалось, что жизнь еще преподнесет свои с таким нетерпением ожидаемые подарки, и достанутся они просто и легко – как игрушки с новогодней елки. Символический образ такой «вечно зеленой елки судьбы», увешенной «благами жизни», встречается в одном из рассказов А.П. Чехова. На этой елке «от низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч. Вокруг елки толпятся взрослые дети. Судьба раздает им подарки...»⁴³

В поэтическом воплощении та же мысль – правда, спустя уже более чем полвека – выглядела так:

Плюшевые волки,
Зайцы, погремушки.
Детям дарят с елки
Детские игрушки.
И, состарясь, дети
До смерти без толку
Все на белом свете
Ищут эту елку.
Где жар-птица в клетке,
Золотые слитки,
Где висит на ветке
Счастье их на нитке.
Только дед-мороза
Нету на макушке,
Чтоб в ответ на слезы
Сверху снял игрушки.

*К. Симонов*⁴⁴

Иллюзии улетучивались, мечты рассеивались. Но все же люди не переставали верить – каждый в «своего» Деда Мороза. Именно поэтому, наверное, в елочной игрушке начисто отсутствовало «травматизирующее» начало: она никогда не фиксировала и не эстетизировала человеческие страдания и зло. Она должна была быть прекрасна, и во многом это достигалось благодаря причудливой игре сочетавшегося в ней света и цвета⁴⁵. Елочные украшения блестели, сверкали, сияли, переливались, многократно отражая теплый свет свечей и отражаясь сами в «зеркалах» шаров, прожекторов и других стеклянных предметов. Особый, «рождественский» свет в высшей степени являл собой и несколько приземленную идею «домашнего уюта», и высокую идею святости⁴⁶: «И в доме – Рождество... Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка... За ней чуть брезжит алый огонек лампадки, – звездочки, как будто в лесу»⁴⁷. Яркая пестрота елочных украшений не казалась ни назойливой, ни вульгарной: даже такие раздражающие в обычной жизни цвета, как ядовито-зеленый, пронзительно-розовый или жгуче-оранжевый, в случае с елочной

⁴³ Чехов А.П. Елка // Чехов А.П. Соч.: В 18-ти т. Т. III. М., 1975. С. 146.

⁴⁴ Симонов К. Стихи. Пьесы. Рассказы. М., 1949. С. 200.

⁴⁵ Свет, по утверждению Ж. Бодрийяра, «накладывает на вещи особую значимость, оттеняет их, очерчивает контуры их присутствия» (Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 25–26).

⁴⁶ См.: Топоров В.Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 450–475; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С.153–154 и др.

⁴⁷ Шмелев И. Лето Господне. М., 1991. С. 342–343.

игрушкой воспринимались как должное и уместное, а мишурная роскошь отнюдь не ассоциировалась с дешевым шиком.

Каждая историческая эпоха создавала свои елочные игрушки, придавала им свой, особый смысл, наделяла их своими, особыми функциями, продолжала и восполняла их «культурную биографию». У советской елочной игрушки была своя собственная судьба и своя собственная история. У нее были свои авторы и адресаты, свои почитатели и недоброжелатели, свои поклонники и противники, свои пропагандисты и критики, причем одни подчас легко превращались в других. У нее, конечно же, были и свои предшественники – ведь она не могла возникнуть «ниоткуда»! Безусловно то, что дореволюционные елочные украшения в России принципиально отличались от советских, главным образом за счет заложенного в них смысла, но безусловно и то, что, не будь в прежней России елочных игрушек, новым советским их образцам (ни в коем случае не аналогам!) едва ли удалось бы так быстро внедриться в советские культурные практики и стать неотъемлемым атрибутом праздничной повседневности каждого советского человека. Поэтому целесообразно, на наш взгляд, подробно остановиться на том игрушечном «наследстве», которое получила советская власть от русской рождественской елки, чтобы затем показать, что из него было полностью отброшено как вредное и ненужное, что, напротив, освоено и присвоено и каким образом это было сделано.

Людвиг Рихтер. Рождественская ночь. Немецкая рождественская открытка. 1900-е гг.

Глава 2

От какого наследства хотели отказаться большевики. Елка и елочная игрушка в дореволюционной России

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки.
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.*

Осип Манделштам, 1908

Русская елочная игрушка была порождением не только отечественной, но и западноевропейской, прежде всего немецкой культуры. Если говорить об истории елочных украшений в России, об их производстве и потреблении, о здешних изменениях в елочной моде и елочных «пристрастиях», корнями своими они, безусловно, уходили в немецкую традицию. Ведь, как известно, именно Германия традиционно считалась и считается первой европейской страной, где еще в XVI веке в Рождество стали устанавливать наряженную елку⁴⁸. Во второй половине

⁴⁸ В некоторых исследовательских работах (см., например: O’Connor K. Culture and Customs of the Baltic States. Westport, 2006. P. 93) и в особенности в популярной литературе типа путеводителей не раз утверждалось, что особые деревья, приуроченные к Рождеству, впервые были установлены ганзейскими купцами на городских площадях Таллинна (Ревеля) и Риги еще в 40-е годы XV века. Холостые юноши и незамужние девушки пели и танцевали у этих деревьев, по окончании же праздника деревья сжигали. Однако в новейших исследованиях эстонских и латвийских историков убедительно доказано, что эта традиция к Рождеству прямого отношения не имела (см.: Mand A. Urban Carnival, Festive Culture in the Hanseatic Cities of the Eastern Baltic, 1350–1550. 2005. P. 37). Таким образом, приоритет Германии в этом вопросе уже не оспаривается. Как утверждает большинство специалистов, украшенная елка в сценарий празднования немецкого Рождества попала из средневековых германских мистерий об Адаме и Еве, разыгрывавшихся на церковных папертях (так называемой «игры в рай»), где выставленное Райское дерево, увешенное яблоками, символизировало сад Эдема (см., например: Harding P. The Christmas Book: A Treasury of Festive Facts. L., 2007. P. 44, 149). Во время мистерий украшенное дерево всегда ставилось на той стороне импровизированной сцены, которая символизировала искупление. Когда в период Контрреформации в середине XVI века мистерии были повсеместно запрещены, елки переместились в дома горожан, где их стали украшать фруктами, сладостями, а позднее – свечами. Первоначально в качестве украшений использовались не целые деревья, а сосновые и еловые ветви. Этот обычай был упомянут уже в 1494 году в знаменитом стихотворном сочинении известного немецкого ученого и гуманиста Себастьяна Бранта «Корабль дураков», своего рода светской Библии того времени. Позднее в правобережье и левобережье Рейна стали устанавливать небольшие рождественские деревца, которые обычно либо размещали на столе, либо подвешивали к потолку. В 1535 году такие деревца продавались на страсбургском рынке (см.: Damaschke S. Glaubenskriegum den Tannenbaum // www.dw-world.de). В литературе и большинстве справочных изданий преобладает утверждение, что первая рождественская елка (точнее сосна) была установлена в 1521 году в Эльзасе. Церковная запись упоминает об установке рождественского дерева в Страсбургском соборе в 1539 году. Были ли эти деревья украшены, источники не сообщают. Однако уже в XV – первой половине XVI века вырубка их в Германии была такой активной, что законодательно было запрещено рубить в лесу более одного дерева на человека (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts: Kunst, Kitch und Kuriositäten. München, 1993. S. 7). Первые упоминания об украшенных «райских» деревьях, установленных вне церкви, относятся ко второй половине XVI века, когда они появляются на общественных праздниках цехов и братств и уже дистанцируются от «игры в рай». В обнаруженной И. Вебер-Келлерманн бременской гильдейской хронике 1570 года сообщается об установке для детей в здании гильдии небольшой елки, украшенной яблоками, орехами, финиками, соленым печеньем и бумажными цветами (Weber-Kellerman I. Das Weihnachtsfest: Eine Kultur und Sozialgeschichte der Weihnachtszeit. Luzern; Frankfurt/M., 1978). На немецких рождественских базарах второй половины XVI века, например на нюрнбергском (Nürnberger Christkindlesmarkt), продавались имбирные пряники и другие рождественские украшения (см.: Нюрнбергское Рождество // www.dw-world.de/dw/article/0,4509179,00.html). Уже тогда обычай украшать елку был разнесен по городам «немецкой» Европы, в частности, он обнаруживается в 1597 году в Базеле, где установленные в скорняжных цехах рождественские деревья украшали яблоками и сыром. Сведения о расходах на украшение рождественских деревьев содержатся также в счетах торговцев эльзасского города Тюркхайма за 1597–1669 годы, где упомянуты затраты на приобретение яблок, облаток, цветной бумаги и нити. Похожим образом украшенные деревья устанавливали члены городского совета, цеховые мастера, священники и другие почтенные горожане в Шлеттштадте, Фрайберге и Берне (см. подробно: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 7). К 1605 году относится письменное свидетельство об установке в домах страсбургских горожан рождественских елок, украшенных бумажными розами, яблоками, вафлями, золотой фольгой, сахаром и другими предметами (см.: Tille A. Die Geschichte der deutschen Weihnacht. Leipsic, 1893. S. 258. Цит. по:

XIX столетия рождественская елка превратилась в общегерманскую традицию, а сам праздник обрел форму устоявшегося ритуала⁴⁹.

В Германии и только в Германии, по утверждению многих иностранных путешественников и мемуаристов XIX века, можно было увидеть настоящую рождественскую ель во всей ее красе: ведь, по их мнению, Рождество было истинно немецким праздником. Оно «подходило» немцам так, как «пьеса подходит актеру, под чей характер и темперамент она специально написана», а присущая этому празднику «детскость» как нельзя лучше соответствовала «детскости» немецкой природы⁵⁰. Елка в Германии не была ни изысканной роскошью для богатых, ни утехой для избранных, ни причудой для избалованных. Напротив, «здесь никто не был столь беден или столь одинок, чтобы не иметь ее»⁵¹. Немецкое рождественское дерево – *Weihnachtsbaum* – воплощало собой не только романтику, чудеса и сказку – оно являлось воплощением изысканной красоты и великолепия: «Как бы безвкусно она ни выглядела днем, ночью это было истинное чудо, сияющее бесчисленными огнями и сверкающими украшениями, золотыми фруктами и серебряными мерцающими гирляндами»⁵². «В каждом городском доме, – писала одна из посетивших Германию путешественниц, – деревья... светятся огнями и маленькими позолоченными орехами и яблоками и чувствуется тот особый рождественский запах, который складывается из запахов соснового леса, восковых свечей, выпечки и разрисованных игрушек»⁵³. В газетах и журналах того времени не было, пожалуй, ни одной статьи или сообщения о рождественском празднике, где бы не подчеркивался его «типично немецкий» характер, а в рождественском дереве не усматривались бы его «типично немецкие» черты⁵⁴.

Miles C.A. *Christmas Customs and Traditions: Their History and Significance*. N.Y., 1976 (first published in 1912). P. 265). Недовольная «языческим» украшением елки, церковь оставила свои свидетельства в пользу распространенности этого обычая в Германии. В трактате знаменитого страсбургского теолога и проповедника Иоганна Конрада Даннахуэра, относящемся к 1645 году, резко осуждалась «увешенная куклами и сладостями» устанавливаемая в домах рождественская ель. Автор трактата называл ее «Lappalie» («мелочностью») и «Kinderspiel» («детской игрой»), а также недопустимой заменой «слову Божьему, с коим и следует праздник сей встречать» (цит. по: Stille E. *Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts*. S. 8). Более широкое распространение украшенное рождественское дерево получило в Германии во второй половине XVIII века, но происходило это распространение неравномерно – на протестантском севере гораздо быстрее и успешнее, чем на католическом юге, где по-прежнему принято было насмехаться над этой евангелической традицией, а сам протестантизм именовать «религией рождественской елки» (рождественская елка как конфессиональный символ протестантизма противопоставлялась католическому рождественскому вертепу) (об этом см.: Damaschke S. *Glaubenskriegum den Tannenbaum*. Op. cit.), и в городах несоизмеримо быстрее, чем в деревне (например, в Баварии к середине XIX столетия в сельской местности рождественская елка была практически не известна, и ситуация не изменилась здесь вплоть до начала XX века; в Саксонии на протяжении всего XIX века вместо живой елки обычно использовались так называемые «пирамиды» – деревянные конструкции пирамидальной формы, украшенные цветной бумагой и свечами, моду на которые ввели резчики из саксонского города Эрцгебирге, а в некоторых южнонемецких землях было принято украшать не всю елку, а только елочную верхушку (см.: Rietschel G. *Weihnachten in Kirche, Kunst und Volksleben*. Bielefeld; Leipsic, 1902. P. 151. Цит. по: Miles C.A. *Christmas Customs and Traditions*. P. 266; Stille E. *Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts*. S. 266; Нарожная С. Рождественские пирамиды // *Антикватория*. 2004. № 1. С. 102–103; Рождество в Дрездене // www.decorbells.ru/travel_dres_w.htm и др.). Лишь объединение страны привело к известной унификации елочного убранства. Решающую роль в распространении елочной традиции сыграла франко-прусская война 1870 года, когда рождественские елки стали устанавливаться в окопах (обычно офицерами) как знак связи с родиной (см.: Damaschke S. *Glaubenskriegum den Tannenbaum*. Op. cit.). Интересно заметить, что помимо елок для «живых» в Германии существовали и елки для «мертвых». На Рождество они устанавливались на кладбищах. Могилы убирали омелой и падубом и ставили маленькие елочки с мерцающими огоньками, может быть для того, чтобы разделить с ушедшими радость наступившего праздника. Сообщения об этой традиции встречаются в немецкой и британской периодической печати рубежа XIX–XX веков.

⁴⁹ Об этом см., например: Hewitt J. *The Christmas Tree*. N.Y., 2007. P. 12.

⁵⁰ Wylie I.A.R. *My German Year*. L., 1910. P. 68.

⁵¹ Miles C.A. *Christmas Customs and Traditions*. P. 264.

⁵² *Ibid.*

⁵³ Sidgwick A. *Home Life in Germany*. L., 1908. P. 176.

⁵⁴ Об этом см.: Stille E. *Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts*. S. 44.

Н. Джексон. Дети любят рождественскую елку. Рисунок из газеты Frank Leslie's Illustrated Newspaper. 1879

Описание украшенной «классической» немецкой елки, восходящее еще к первым десятилетиям XIX века, можно найти в известнейшей рождественской сказке Эрнста Теодора Амадея Гофмана «Щелкунчик и мышиный король» (1816): «Большая елка посреди комнаты была увешена золотыми и серебряными яблоками, а на всех ветках, словно цветы или бутоны, росли обсахаренные орехи, пестрые конфеты и вообще всякие сладости. Но больше всего украшали чудесное дерево сотни маленьких свечек, которые, как звездочки, сверкали в густой зелени, и елка, залитая огнями и озарявшая все вокруг, так и манила сорвать растущие на ней цветы и плоды. Вокруг дерева все пестрело и сияло»⁵⁵.

Из Германии обычай устанавливать и украшать рождественскую елку – «милая немецкая затея!» (Чарльз Диккенс⁵⁶) – распространился по всей Европе и в Новом Свете. Не обошел он и Россию. Однако, восприняв «немецкую» елочную модель с соответствующей ей системой праздничных практик, российский потребитель елочной игрушки использовал ее исходя из результатов собственного опыта. Он ориентировался на потребности и возможности собственной социальной среды, следовал традициям собственного национального праздничного быта. В результате в России был выработан свой вариант предметного насыщения праздничного елочного пространства, окончательно оформившийся к рубежу XIX–XX веков.

Изучение истории елочной игрушки в дореволюционной России предполагает рассмотрение, с одной стороны, обстоятельств, мотивов, путей и способов ее проникновения и распространения в российском культурном поле, а с другой – специфики ее саморазвития как части вещно-предметного мира рассматриваемой эпохи, особенностей ее производства и потребления.

⁵⁵ Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышиный король // Гофман Э.Т.А. Крейслериана: Новеллы. М., 1990. С. 108.

⁵⁶ Диккенс Ч. Рождественская елка. С. 394.

Вхождение елки и елочной игрушки в русский быт

Поскольку сама рождественская елка как предмет исследования в высокой степени легендарна и мифологична, постольку и информация о ее истории, украшениях и атрибутах, во многом базирующаяся на устной традиции, часто является противоречивой, неоднозначной и трудно верифицируемой. Единичность источников, в особенности относящихся к периоду зарождения и становления рождественской елки как центрального персонажа рождественского праздника, исключает возможность их сопоставления. Преобладание нарративно-художественных текстов над документальными источниками также отчасти затрудняет исследование. Эти утверждения во многом верны и применительно к российской ситуации.

Сама елка как символ новогоднего праздника появилась в России после указа от 20 декабря 1699 года, который Петр I издал по возвращении из-за границы. Этот указ предписывал украшать хвоей (елью, сосной, можжевельником и их ветвями) к новому, перенесенному отныне с 1 сентября на 1 января году улицы, дороги и дома. Но новшество имело мало отношения к немецкой рождественской елке: это был лишь способ декорирования городского праздничного пространства. Специальное украшение елки не предусматривалось. После смерти Петра I его начинание было фактически забыто и, что весьма курьезно, свято соблюдалось лишь кабатчиками, продолжавшими украшать елками крыши и входы в питейные заведения⁵⁷.

Качественный скачок в восприятии, понимании и оценке мира семьи и мира детей в России пришелся на 20–30-е годы XIX века. Казалось бы, в сформулированной и предложенной графом С.С. Уваровым в 1832 году теории «официальной народности» не было места для «западной» елки. Однако на самом деле в основе этой доктрины лежал образ России как единой семьи, в которой императору принадлежала роль заботливого отца, а его подданным – роль послушных детей. Семья становилась важнейшим локусом воспитательных практик, местом приложения идеи согласия, которая экстраполировалась на более высокий уровень взаимоотношений общества и власти. Монарх отныне уже не изображался полубогом, а выглядел как обычный человек, исповедующий и разделяющий простые семейные ценности. Как писал Ричард Уортман, «частная жизнь царя была... выставлена на обзор русской публики в соответствии с западным идеалом»⁵⁸. В глазах современников Николай I и был таким заботливым мужем и отцом: он относился к жене и детям нежно, с подчеркнутым вниманием, что являлось составной частью создаваемого им образа императора-отца, императора-воспитателя и покровителя, носителя власти – авторитарного, но любящего.

В таком контексте домашние праздники представлялись реальным способом укрепления и сплочения и семьи, и нации. Российский «идеальный», «примерный» подданный слыл чадолюбивым семьянином, организовывавшим рождественскую елку для собственных сыновей и дочерей, и щедрым благотворителем, приглашавшим на нее детей из бедных семей. Роль семейного праздника была хорошо осознана и высоко оценена в процессе конструирования национальной идентичности. Здесь правили не разум, не здравый смысл, а чувства и эмоции. Елка и елочные игрушки и веселили, и украшали, и учили, и воспитывали, и эти «воспитательные механизмы» оказывались гораздо более результативными, чем множество других вместе взятых – более откровенных, более грубо-прямолинейных. Все это становилось особенно актуальным в эпоху европейских революций, когда российских граждан следовало всячески ограждать и «защищать» от каких бы то ни было пагубных влияний извне.

⁵⁷ См. подробнее: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 61–63.

⁵⁸ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. I. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995. P. 402.

Наряду с осознанием самости семьи происходило постепенное осознание важности и значимости детства, детского пространства, детских вещей, детского досуга, детских праздников⁵⁹, а также самих детей как трансляторов идеологических, эстетических и этических ценностей. Дефицит всего «детского» начинал постепенно преодолеваться, а детская елка и украшения для нее настойчиво проникали в русский быт.

Первоначально рождественская елка в России рассматривалась как атрибут привилегированной дворянской праздничной культуры (да и реально была им), что вполне соответствовало одной из приоритетных задач социальной политики Николая I, направленной на укрепление и «очищение» дворянства. Позднее, по мере демократизации праздника и расширения его сословных границ, нарядная елка все чаще украшала собой буржуазное жилище. Все большее количество удачливых предпринимателей (купцов, торговцев, банкиров) и лиц доходных профессий (врачей, адвокатов, государственных служащих) пытались воспроизвести в своем повседневном быту дворянский образ жизни, а по роскоши и красоте елочного убранства – даже перешеголять своих более родовитых и сановных современников. Богато украшенная елка олицетворяла собой буржуазное стремление к индивидуальному и семейному материальному благополучию и подтверждала его наличие. Она была тем символом, который, с одной стороны, объединял семью и отделял, отграничивал ее от «чужих», а с другой – свидетельствовал о ее общественном престиже и мощи, значимости и богатстве, вне зависимости от знатности происхождения.

Альфонс Мария Муха. Рождество в Америке (фрагмент). 1919

⁵⁹ Об этом см.: Белова А.В. «Женское детство» в дворянской культуре России 18 – середины 19 века // Социальная история: Ежегодник. 2008. СПб., 2008. С. 45–46.

Вместе с тем домашняя елка стала знаком принадлежности к когорте «новой», интеллектуальной элиты. Не случайно этот праздник занял особое, «культовое» положение в среде выдающихся деятелей культуры Серебряного века, а его явные и неявные отзвуки и повторяющиеся мотивы отчетливо прослеживались в их творчестве.

Фердинанд Георг Вальдмюллер. Рождественское утро (фрагмент). 1844

Известно, что с начала XIX века украшенные рождественские елки стали устанавливаться в домах петербургских немцев, перенесших на новую родину обычаи своей страны. В это время данная традиция постепенно стала распространяться по всему миру, и Россия не составила здесь исключения. Вращение немецкой елки в русскую почву было весьма успешным и стремительным во многом благодаря длительной, постоянной и устойчивой трансляции в российскую среду других немецких культурных символов. Внедрение их в российский детский мир осуществлялось через школу, учителей, учебники, детские игрушки, детскую литературу и т. д. Наличие елки в доме свидетельствовало о приобщенности к европейской культуре, что весьма поднимало социальный статус хозяев в глазах ближайшего окружения. Посещая благословенную Европу и весьма часто – Германию, русские путешественники могли наблюдать, сравнивать и воспринимать, а воспринимая – заимствовать. Результатом такого «культурного заимствования» и явилось приложение рождественской елки и многих ее атрибутов к российской культурной среде, за которым последовало ее постепенное укоренение и «обрусение», выразившееся в обретении ею ряда своеобразных «национальных» черт.

Точно установить, когда детская рождественская елка стала проводиться в русских домах, как указывает Е.В. Душечкина, пока невозможно в связи с нехваткой необходимых, достаточных и достоверных источников⁶⁰. Приблизительно это событие датируется концом

⁶⁰ Душечкина Е.В. Русская елка. С. 71. Датируя это событие, Е.В. Душечкина ссылается на опубликованный в 1912 году рассказ Сергея Ауслендера «Святки в старом Петербурге». Рассказ включает в себя мемуары генерала Балтакова «Первая

1830-х годов. Появление и популяризация рождественской елки в России исследовательница связывает с именем супруги Николая I императрицы Александры Федоровны, урожденной прусской принцессы Шарлотты. Это выглядит достаточно убедительно, поскольку роль венценосных особ – выходцев из Германии – в распространении рождественской елочной традиции в Европе хорошо известна⁶¹.

Уже на протяжении 1840-х годов рождественские елки в петербургских русских аристократических, а затем и просто состоятельных семьях становятся достаточно распространенным явлением. Устанавливаются первые рождественские елки и в русских усадьбах, хотя используемые на них помимо свечей украшения в то время были по преимуществу либо съедобными (конфеты, фигурные пряники, орехи, завернутые в золотую и серебряную фольгу, фрукты)⁶², либо самодельными⁶³. В повести «Детство Никиты» (1922) Алексей Толстой описывает изготовление елочных игрушек в дворянской усадьбе 1880-х – начала 1890-х годов. Мать главного героя, вспоминая «давнишнее время», рассказывает детям, что тогда «елочных украшений не было и в помине», все игрушки были самодельными – «были поэтому такие искусники, что клеили... настоящий замок с башнями, с винтовыми лестницами и подъемными мостами. Перед замком было озеро из зеркала, окруженное мхом. По озеру плыли два лебедя, запряженные в золотую лодочку»⁶⁴.

Однако настоящее знакомство России с рождественской елкой и елочной игрушкой происходит уже во второй половине XIX века. Именно на последние пять его десятилетий приходится период становления этого праздника в стране в новом качестве: во-первых, как подлинно семейного, во-вторых, по преимуществу детского и, в-третьих, широко отмечаемого не только высшей аристократией, но и в семьях профессоров, врачей, купцов, предпринимателей, творческой интеллигенции.

Факторами, определявшими степень и качество «украшенности» рождественской елки, были общественный статус хозяина дома, а также материальные возможности и культурные потребности его семьи.

елка», где речь идет о рождественской елке, устроенной отцом генерала для своих детей и их гостей в конце 1830-х годов по примеру царской семьи («Вы после государя первые обычай этот немецкий приняли», – сказал один старый генерал батюшке. «Да, было трогательно видеть в прошлом году во дворце, какую радость не только у детей, но и у людей старых вызвало это нововведение», – отвечал отец». Когда праздник закончился, в детскую зашла мать ребенка с утешительными словами: «Не горюй. Каждый год будет возвращаться елка к тебе, потом к твоим детям и внукам» (см.: Ауслендер С. Святки в старом Петербурге // Большая книга Рождества. С. 166)). Безусловно, весьма сложно датировать факт проведения первой русской домашней елки по этому единственному и трудно верифицируемому источнику информации. Автор рецензии на книгу Е.В. Душечкиной М. Строганов приводит хронологически гораздо более ранние примеры из мемуарных источников, которые свидетельствуют о распространении рождественской елки среди уездных дворян Тверской губернии уже в конце 1820-х годов. Однако, как совершенно справедливо замечает М. Строганов, в данном случае принципиальное значение имеет не конкретная дата, а обнаружение механизма вхождения праздника елки (и добавим от себя – его атрибутов) в русский быт. Нельзя не согласиться с автором рецензии и в том, что в XIX веке вхождение это было «естественное, многолетнее и подспудное», лишь впоследствии признанное властью (Строганов М. [Рец.] Е.В. Душечкина. Русская елка. Указ. соч. // Новое литературное обозрение. 2004. № 65 // magazines.ru/nlo/2004/65/book38-pr.html).

⁶¹ Считается, что в Великобритании украшенную свечами ель в состав рождественских празднеств впервые ввела в 1800 году супруга Георга III королева Шарлотта Мекленбургская; в Вене первое украшенное рождественское дерево установила в 1816 году принцесса Генриетта-Нассау-Вайльбургская; в Париже, в Тюильри, в 1840 году – герцогиня Орлеанская, урожденная принцесса Елена Мекленбургская (см.: Рождество во Франции // Большая книга Рождества. С. 279; Лихачева С. Рождество у англичан // Большая книга Рождества. С. 229). Что касается России, то, по другим данным, детские елки устраивались при дворе Павла I еще в конце XVIII века (Клинские елочные украшения. Мелихово, 2006. С. 7).

⁶² Обязательными элементами елок, оформленных в духе христианской рождественской символики, всегда были: освещение (свечи, позднее – электрические гирлянды), фрукты (вначале – яблоки, затем – мандарины, орехи, груши, виноград, как натуральные, так и искусственные) и изделия из теста, так называемая «произведения кондитерской архитектуры» – облатки, а затем фигурные пряники, печенье, конфеты и их имитация (см.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 140–141).

⁶³ См., например, иллюстрацию к повести А. Вороновой «Святки в 1847 году» («Детские портреты». СПб., 1855), приведенную на вклейке в книге М.С. Костюхиной «Игрушка в детской литературе».

⁶⁴ Толстой А. Детство Никиты // Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. III. М., 1958. С. 176–177.

Обязательный характер стала носить, например, елка в профессорском доме. Достижная генеральских чинов и признания в обществе профессура стремилась соответствовать представлению обывателей о материальном достатке чиновников такого ранга и иногда даже из последних сил и средств воспроизводила образ жизни аристократии, куда теперь входила и великолепно убранная, богато иллюминированная елка. На такую елку обычно приглашались университетские коллеги с детьми, а также профессорские ученики⁶⁵.

Прекрасные елки устанавливались обычно в домах творческой интеллигенции. Так, например, на всю Москву славилась елка, ежегодно устраивавшаяся в доме у Ф.И. Шаляпина на Новинском бульваре, где он проживал с семьей в 1910–1922 годах. Помимо пятерых детей хозяина (который, кстати говоря, сам очень любил елку) и их юных гостей в числе приглашенных бывали Максим Горький и Сергей Рахманинов, Иван Бунин и Константин Коровин, Леонид Андреев и Александр Головин⁶⁶.

Со второй половины XIX века рождественская елка и елочная игрушка начали распространяться в провинции, особенно в тех губернских и уездных городах страны, где сильна была немецкая диаспора. Весьма показательным является в данном случае пример такого крупного губернского центра, как Казань⁶⁷. Если в 1840-е годы раздобыть елочную игрушку в Казани было практически невозможно (из отчета за 1844 год, например, видно, что, хотя в городе в то время было более 1000 лавок, в прејскуранте ни одной из них не значились елочные украшения⁶⁸), то во второй половине XIX века положение существенно изменилось. Теперь казанцы не только выписывали елочные украшения по каталогам и привозили их из Петербурга, Москвы, Харькова, Киева, Одессы и Варшавы (основных мест сбыта елочной игрушки в России)⁶⁹, но и закупали их в ряде местных магазинов и лавок, специализировавшихся на продаже галантереи и так называемых «кабинетных», «роскошных» и «изящных вещей», писчебумажных товаров и игрушек (многими из таких магазинов владели немцы). Специализированных магазинов по продаже елочных украшений в Казани в то время еще не было. Даже в первые десятилетия XX века елочные игрушки продавались здесь в основном в магазинах «общего профиля». «Наступление Рождества радовало красавицей елкой, – писал в своих воспоминаниях профессор Казанского университета Е.П. Бусыгин (род. в 1914 году). – Елка украшалась многочисленными игрушками, фонариками, гирляндами разноцветных блестящих бумажных лент. Украшений было великое множество. Отец работал доверенным магазина, хозяином которого был известный в Казани коммерсант Опарин. Магазин торговал канцелярскими товарами, игрушками, открытками, музыкальными инструментами. Так что большое количество и разнообразие елочных игрушек в нашем доме было закономерно»⁷⁰.

Поступающие в продажу елочные игрушки были исключительно привозными. К концу 1860-х годов в Казани вообще не было ремесленных заведений, специально производивших елочную игрушку⁷¹. Как отмечал в 1890 году казанский историк и краевед М. Пинегин, «ремес-

⁶⁵ Об этом см.: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. Казань, 2008. С. 129.

⁶⁶ Соколова Э.В. Дом-музей Ф.И. Шаляпина // Россия и современный мир. 2009. № 2 (63). С. 232–234, 238–239.

⁶⁷ В середине XIX века Казань входила в число крупнейших городов Российской империи, занимая по численности населения шестое место после Москвы, Петербурга, Одессы, Киева и Саратова. К концу XIX века Казань входила в пятерку крупнейших торговых городов европейской России (История Казани: В 2-х кн. Кн. 1. Казань, 1988. С. 195, 197; Свердлов Л.М. На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. С. 36–37).

⁶⁸ Отчет по губернскому городу Казани за 1844 год. Казань, 1845.

⁶⁹ Сведения о торговых домах, действующих в России в 1892 году. СПб., 1893; Торгово-промышленная Россия: Справочная книга для купцов и фабрикантов. СПб., 1899. Ст. 2373.

⁷⁰ Бусыгин Е.П. Счастье жить и творить. Казань, 2007. С. 28.

⁷¹ Галанин С.Ф. Казань и казанцы: Реклама второй половины XIX века. Казань, 2008. С. 112.

ленное производство предметов роскоши, вещей изящных» развито было в городе «очень слабо»⁷².

Магазины, торгующие предметами роскоши, к которым в то время относились и импортируемые из Германии игрушки на елку, располагались на главных торговых улицах города – Воскресенской и Большой Проломной⁷³. Наиболее крупными среди них были Московский базар игрушек Черкасова, магазины Чарушина и Дозе, магазин Крекнина в Гостином дворе. Свежие фрукты, а также лучшие пряничные и кондитерские изделия для украшения елки можно было приобрести во «фруктовом магазине» Степанова на Проломной, где имелся специальный кондитерский цех⁷⁴.

Рождественский базар. Открытка. Германия. 1900 (?)

Внимание покупателей привлекали рождественские распродажи, проходившие с 1850-х годов и начинавшиеся уже с середины ноября. Именно на это время, что вполне понятно, приходился и пик продаж елочных игрушек. Скидки доходили до 50 %⁷⁵.

Большую роль в распространении елочных украшений в провинции играла реклама. В предрождественские и рождественские дни на потенциальных покупателей обрушивался целый поток рекламных материалов, предлагавших приобрести елочные игрушки, мишуру, канитель, гирлянды, сласти, бенгальские огни, хлопушки, бонбоньерки. Взгляд рядового обывателя постоянно натывался на такие объявления, развешенные на каждом шагу: на стенах, столбах, тумбах, в витринах магазинов, на специальных рекламных стендах и даже в вагонах

⁷² Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005 (печ. по изд.: СПб., 1890). С. 613.

⁷³ Эту центральную улицу города историк Н.П. Загоскин назвал казанским Невским проспектом (Загоскин Н.П. Спутник по Казани: Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань, 2005 (печ. по изд.: Казань, 1895). С. 566).

⁷⁴ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. С. 720–721, 725. См. также перечень рекламных объявлений казанских торговых домов и магазинов: Галанин С.Ф. Газетная реклама. Казань, 1999, а также: Республика Татарстан: Памятники истории и культуры: Каталог-справочник. Казань, 1993. С. 126.

⁷⁵ Галанин С.Ф. Казань и казанцы. С. 75–76, 103.

конки⁷⁶. К Рождеству выходили специальные справочно-рекламные издания, например «Рождественский альманах-реклама»⁷⁷.

В канун Рождества дети с удовольствием посещали базар на Николаевской площади, специализировавшийся на продаже елок и елочных украшений⁷⁸. Это была наиболее «демократичная» «игрушечная» торговая точка города, куда наведывались казанцы состоятельные и не очень, ведь уже в то время елочные игрушки были разной стоимости – и для тех, кто побогаче (самыми дорогими были изделия из стекла), и для тех, кто беднее. Тем не менее, по наблюдению того же М. Пинегина, даже несмотря на приемлемые цены игрушечный товар шел «довольно вяло»: из-за «сильного безденежья в местном населении» назад увозили до 38,8 % изделий⁷⁹.

Рождество XIX – начала XX в. Немецкая открытка

Распространение елочной игрушки в Казани облегчалось тем, что здесь была очень сильна и представительна немецкая диаспора, оказывавшая заметное влияние на культурную жизнь города⁸⁰. Среди жителей Казани были и выходцы из скандинавских стран, для которых

⁷⁶ Там же. С. 43.

⁷⁷ Рождественский альманах-реклама / Изд. А.В. Ястребского. Казань, 1899. Из трехтысячного тиража этого издания 2 тыс. номеров рассылались бесплатно (Галанин С.Ф. Казань и казанцы. С. 199).

⁷⁸ Спутник по Казани. С. 714, 716. И в других городах России основная масса елочных украшений продавалась на базарах и ярмарках. Часто таковые функционировали при церквях и монастырях (см.: Базыкин С. Против религии! // Игрушка. 1937. № 8. С. 3).

⁷⁹ Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. С. 623–624.

⁸⁰ Большая доля немцев среди казанских ремесленников произвела значительное впечатление на побывавшего здесь в 1840-е годы англичанина Э. Турнерелли. Он называет, например, одну из центральных торговых улиц города – Большую Проломную – «улицей немцев» из-за расположившихся здесь многочисленных немецких ремесленных мастерских (см.: Turnerelli E. Kazan et ses habitants / Турнерелли Э. Казань и ее жители. Казань, 2005. С. 98 (репринт и перевод французского издания 1841 года)). Много немцев было и среди казанской интеллигенции: преподавателей Казанского университета, учителей казан-

украшенная елка была не в новинку. «У нас всегда был большой запас елочных украшений, – вспоминал на закате жизни сын крупного казанского чиновника, швед по происхождению В.И. Адо (1905–1995), – стеклянные фигурки, бусы, шарики, бумажные картонажи, флажки, блестящие нити, хлопушки в золотых и серебряных обертках. Но каждый год покупались и готовились новые украшения»⁸¹.

Большую роль в приобщении к елочной игрушке в России сыграли русские женские журналы как литературно-общественного характера, так и в особенности журналы по домоводству, рукоделиям и искусству, адресованные хозяйке и матери, которые уже с середины XIX века публиковали материалы, связанные с подготовкой и проведением домашней рождественской елки. Вопросы декоративного искусства традиционно занимали в этих журналах значительное место. Ведь декоративное, так называемое «низкое» искусство – в противовес искусству «высокому» – традиционно интерпретировалось тогда не как свободная художественная деятельность, а как почти трудовая, семейная обязанность женщины – «женская работа»⁸². Много таких материалов помещалось в журналах «Ваза» (1831–1884) и «Гирлянда» (1846–1860), о чем свидетельствовало даже само название последнего. Во второй половине XIX – начале XX века подобные материалы можно было обнаружить в таких изданиях, как «Друг женщины» (1882–1884), «На помощь матерям» (1894–1904), «Женщина» (1907–1917), «Дамский мир» (1907–1917), «Журнал для хозяек» (1912–1918), «Журнал для женщин» (1914–1918) и многих других. Их комплекты, а также комплекты таких, например, широко распространенных и любимых населением иллюстрированных изданий, как «Нива» и «Огонек», обычно откладывались в семейных архивах, многократно перечитывались и пересматривались. Помещенный здесь иллюстративный материал мог использоваться и действительно использовался для украшения интерьера. Поэтому эти журналы во многом способствовали установлению и распространению особой русской «елочной» моды и закреплению ее в массовом сознании.

ских гимназий, врачей и аптекарей, инженеров и служащих.

⁸¹ Адо В. Вспоминая о прошлом... Записки русского интеллигента // Казань. 2000. № 7. С. 47. Шведские корни в какой-то степени объясняли особое почтение и уважение, проявляемое членами семьи Адо к рождественской елке.

⁸² Усманова А. Женщины и искусство: Политики репрезентации // Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие. Харьков; СПб., 2001. С. 479.

Иллюстрация к повести А. Вороновой «Святки в 1847 году» (Детские портреты. СПб., 1855). Из книги: М.С. Костюхина. Игрушка в детской литературе. СПб., 2008

Что касается специальных детских изданий, то ни одно из них, пожалуй, не сыграло такой большой роли в утверждении елочной рождественской традиции в России, как издававшийся с 1876 года известным издателем М.О. Вольфом журнал для детей «Задуманное слово» (название журнала было придумано И.А. Гончаровым). Рождественские номера журнала содержали не только приуроченные к празднику стихи, рассказы и исторические очерки известных русских писателей и поэтов, но и богатые иллюстрации, создающие образ русской елки. Успех «Задуманного слова» не сумело превзойти ни одно из дореволюционных детских изданий.

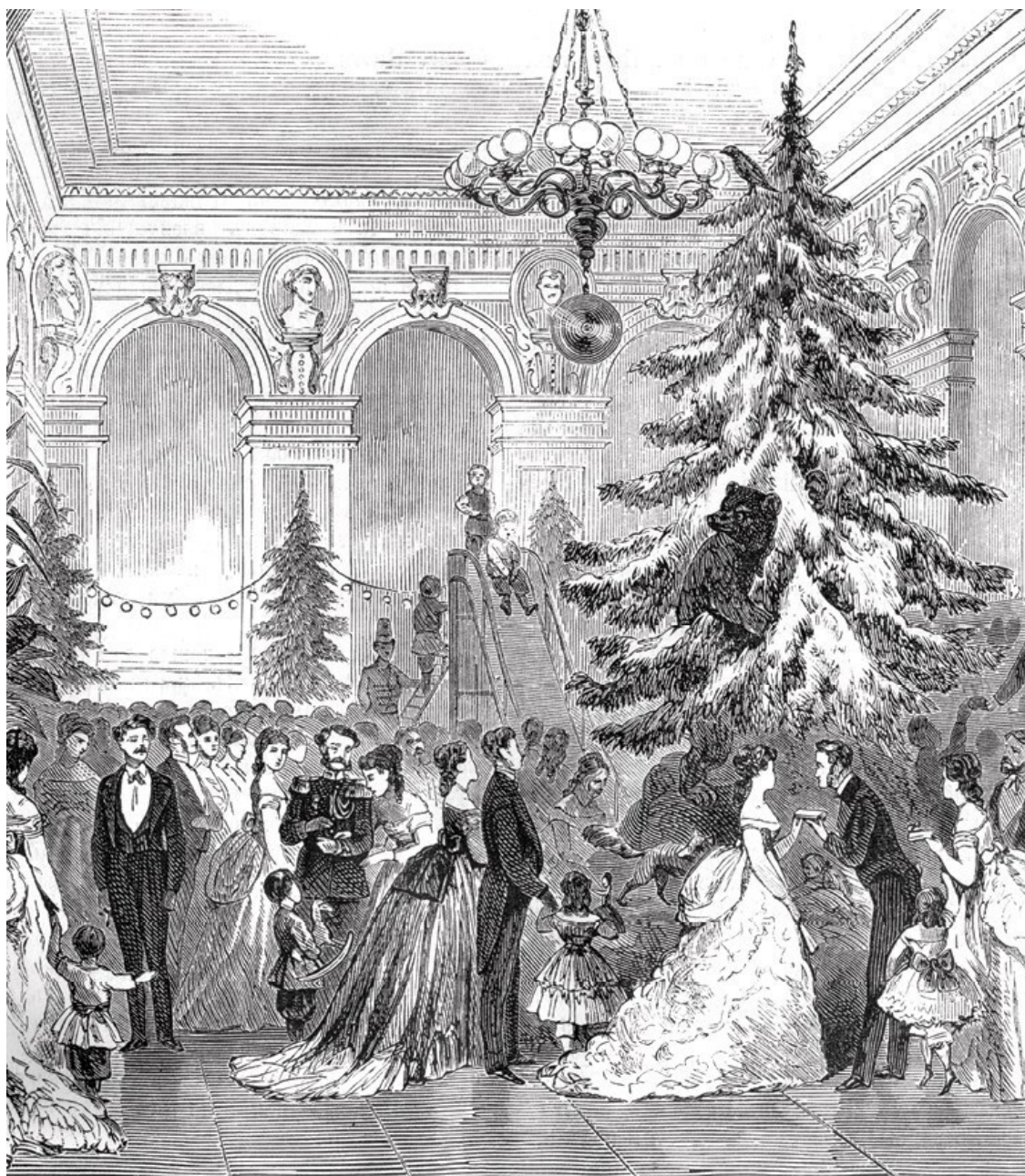
Считается, что первая русская «публичная» елка, украшенная разноцветными бумажными лоскутами, была установлена в 1852 году в Петербурге на Екатерингофском вокзале⁸³. Но лишь начиная с последней трети XIX века украшенные елки стали устанавливаться в общественных местах повсеместно. Например, в той же Казани в первые рождественские дни публичные детские елки устраивались практически во всех театрах и клубах города⁸⁴. Новогодние балы (часто костюмированные) с великолепными, богато украшенными рождественскими деревьями традиционно проводились в залах Дворянского, Военного и Купеческого собраний. Они не носили замкнутого, сословного характера. Уплатив 50 копеек и получив рекомендацию члена клуба, можно было посетить взрослые и детские новогодние балы и маскарады в Благородном (Дворянском) и Военном собрании, а в Купеческий клуб вход был возможен вообще «без всякой рекомендации»⁸⁵. Большой танцевальный зал Дворянского собрания, где обычно

⁸³ Рождественская елка // Большая книга Рождества. С. 663.

⁸⁴ Камско-Волжская речь. 1913. 29 декабря. Дети-мусульмане, естественно, в этих праздниках не участвовали.

⁸⁵ Загоскин Н.П. Спутник по Казани. С. 679.

устанавливалась елка, вмещал более 1200 человек. Новогодние балы и елки обычно продолжались до Крещения – 6 января.

Празднование Рождества в России XIX века. Публичная елка. Из книги: Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005

Обывателю же и даже городскому интеллигенту нарядить елку было непросто. Привозные елочные игрушки стоили дорого (например, цена выставленной на продажу полностью украшенной елки колебалась в 1840-е годы от 20 до 200 рублей ассигнациями)⁸⁶, а доходы населения были низкими. В середине XIX века провинциальные приказчики получали 50–100 рублей в год, работники при домах – 15–40 рублей, мелкие канцелярские служащие – 36–72 рубля, уездные и городские врачи – 180–224 рубля, библиотекари и их помощники – 108–168 рублей⁸⁷. Значительная часть горожан жила ниже черты бедности. Недешево обходились и

⁸⁶ См.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 78.

⁸⁷ Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX–XX вв. С. 121.

свечи для елки, спрос на которые резко возрастал накануне и во время рождественских праздников⁸⁸.

В канун Рождества витрины и столичных, и крупных провинциальных магазинов сверкали великолепным елочным убранством, остающимся – увы! – недоступным для большинства городских жителей и вызывавшим смешанную с восхищением зависть у тех, кто не в состоянии был его купить. Описывая увиденную им в витрине одного из шикарных магазинов на Невском наряженную елку, переполненный впечатлениями нищий мальчик-сирота оживленно рассказывает своему пьянице-покровителю: «Большущая... а под ей старик весь белый-пребелый с длинной бородой... а на елке-то, дяденька, видимо-невидимо всяких штучек... И яблоки... и апельсины... и фигуры... И вся-то она горит... свечей много... И все вертится...»⁸⁹

Даже в первые десятилетия XX века наряженные елки устанавливались преимущественно в богатых и зажиточных домах, в домах интеллигенции. В низшей городской, а тем более в сельской среде это было не принято⁹⁰ – ведь ни праздновавшееся здесь Рождество, ни традиционно отмечавшиеся святки никогда не включали в себя обряда украшения ели. Показателен в этой связи один из самых популярных русских дореволюционных букварей – «Букварь» известного педагога и просветителя Д.И. Тихомирова (1844–1915), переиздававшийся более 160 раз. В разделе о временах года этой книги не только нет каких-либо упоминаний о Рождестве, рождественской елке или веселых святочных гуляниях, но и сами зимние месяцы благодаря помещенному здесь стихотворению Ивана Никитина предстают как время безмолвной тишины и умиротворяющего покоя:

Пусто, одиноко
Сонное село.
Вьюгами глубоко
Избы занесло⁹¹.

Правда, существовали общественные благотворительные елки для бедных, которые позволяли побывать на празднике детям из малообеспеченных семей⁹². «Нищая русская деревня елки не знала, как не знала ее и детвора городских рабочих окраин», – утверждал советский педагог в 1936 году⁹³. Но это было не так. Информация о проведении елок для бедных регулярно встречалась в казанских, пензенских, симбирских, самарских и других губернских дореволюционных газетах⁹⁴. Кроме того, дети из бедных семей могли быть приглашены на елку в дома своих более обеспеченных родственников и знакомых (вспомним Сашку из знаменитого «Ангелочка» Леонида Андреева или чеховского Ваньку Жукова, который просит деда, «когда

⁸⁸ По подсчетам историка Г.Н. Вульфсона, даже если казанская семья сэкономила на освещении и ложилась спать с наступлением темноты, расход на свечи составлял не менее одного рубля в месяц (см.: Вульфсон Г.Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974. С. 83).

⁸⁹ Станюкович К.М. Елка // Станюкович К.М. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. I. М., 1977. С. 173. Рассказ впервые был опубликован в 1880 году.

⁹⁰ Анохина Л.А., Шмелева М.Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем (на примере городов Калуга, Елец, Ефремов). М., 1977. С. 284.

⁹¹ Тихомиров Д.И., Тихомирова Е.Н. Букварь. М., 2007 (репринтное издание). С. 154.

⁹² Зорин А.Н. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 172.

⁹³ Прокопьев Д. О елке // Советская игрушка. 1936. № 12. С. 21.

⁹⁴ «Со всех концов губернии, – сообщали «Пензенские губернские ведомости» в 1904 году, – нам писали и теперь еще продолжают писать об устройстве елок. Некоторые относятся к устройству елок скептически, называют это сентиментальностью, “миндальничанием”... Нам не нужно знать, из каких побуждений устраивают елки – из тщеславия ли... из-за желания ли порисоваться своей добротой или из чистых побуждений внести в великий праздник луч радости и веселья детям, – нам важны цель и результаты» (Пензенские губернские ведомости. 1904. № 13. С. 2). Дамы-благотворительницы в рождественские дни сами обходили городские трущобы, раздавая детям приглашения на устраиваемые публичные елки (см., например: Самарская газета. 1902. № 269. С. 2).

у господ будет елка с гостинцами», взять для него у барыни Ольги Игнатьевны «золоченый орех»⁹⁵). Но, в сущности, елка была не их: такая роскошная, такая чужая. Для этих детей наряженная елка казалась скорее чудом, чем устоявшейся деталью праздничной повседневности. Поэтому сами упоминания о рождественской елке и ее украшениях и в русской мемуарной литературе, и в русской беллетристике всегда четко указывали на социально-сословную принадлежность семьи.

⁹⁵ Чехов А.П. Ванька // Чехов А.П. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М., 1970. С. 108.

Празднование Рождества в России XIX века. Домашняя елка. Из книги: Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Культура повседневности провинциального города. Казань, 2008

К концу XIX века круг людей, приобщившихся к елке и елочной игрушке в России, заметно расширился и демократизировался. Елочная игрушка вошла в праздничный быт многих русских детей. Как отмечал в 1898 году священник, педагог и воспитатель Е. Швидченко (Б. Быстров), автор одной из первых в России работ, специально посвященных рождественской елке, «редкая школа даже по деревням и редкий частный дом в городах не устраивает... для детей елки»⁹⁶, и все они обязательно украшаются. И если ямщик Евстрат из рассказа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Около нодьи» (1891) еще «не слышал никогда» о рождественской елке, то земский почтальон Лука не только рассказывает ему про это «баловство», но и упоминает о елке, которую его жена, служившая швеей у господ и выучившаяся «разным господским порядкам», устраивает для их семилетней дочери и четырехлетнего сына⁹⁷. В данном случае имеет место случай двойной рецепции елки – как праздничного атрибута, заимствованного из «господского дома», и как рефлексии по его поводу.

Вплоть до середины XX века редко можно было встретить наряженную елку в крестьянской избе. Тем не менее в документальных источниках и литературе не только приводятся примеры устройства на исходе 1890-х годов рождественской елки в российских сельских школах, но в ряде случаев обоснованно заявляется, что на рубеже XIX–XX веков праздник этот стал здесь повсеместной традицией. «Викторианская традиция рождественского дерева, уже прочно утвердившаяся в российских больших и малых городах к концу века, – пишет американский исследователь Стивен Фрэнк, – проявилась в сельских школах в 1890-е годы и широко распространилась в сельской местности после 1900 года»⁹⁸. В своей книге, посвященной истории школы и детства в российской Карелии в конце XIX – начале XX века, О.П. Илюха подробно описывает «елочные» мероприятия в земских и министерских школах Олонецкой губернии, приходившиеся на 90-е годы XIX века. Елку обязательно украшали. Правда, большинство игрушек были самодельными – флажки, фонарики, фигурки животных, сказочные персонажи изготовлялись детьми под руководством учителя по выкройкам, помещенным в педагогических и детских журналах. Венчала елку Вифлеемская звезда. Некоторые украшения выписывались из Петербурга: в специальные наборы для украшения школьных елок входили флаги, свечи, подсвечники, обезьянки, птички, картонажи, дождь, кометы, звезды и пр.⁹⁹

По свидетельству сельских учителей из различных российских губерний – Рязанской, Орловской, Вятской, Олонецкой,¹⁰⁰ – елки были «единственным развлечением для здешнего захолустья», их приезжали смотреть из деревень, расположенных на расстоянии 20–30 верст. Народу набиралось столько, что небольшие школьные помещения не могли всех вместить. Тогда люди стояли на улице, любясь наряженным рождественским деревом через окно¹⁰¹. К концу XIX века елки в сельских школах, как отмечали современники, «крепко прижились и крепко полюбились детям и самим отцам»¹⁰². Процесс украшения елки должен был развивать у

⁹⁶ Швидченко Е. (Быстров Б.) Рождественская елка: Ее происхождение, смысл, значение и программа. СПб., 1898. С. 3.

⁹⁷ Мамин-Сибиряк Д.Н. Около нодьи // Мамин-Сибиряк Д.Н. Емеля-охотник: Рассказы, повесть. Казань, 1982. С. 81.

⁹⁸ Frank St.P. Confronting the Domestic Other: Rural Popular Culture and Its Enemies in Fin-de-Siecle Russia // Cultures in Flux: Lower-Class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia. Princeton, N.J., 1994. P. 98.

⁹⁹ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. СПб., 2007. С. 240–241.

¹⁰⁰ См.: Школьные праздники в деревне // Вестник Рязанского губернского земства. 1912. № 11–12. С. 80; Детский праздник // Орловский вестник. 1898. № 8. С. 2; Елка в частной воскресной школе // Рязанский листок. 1902. № 32. С. 1; Два школьных праздника // Народное образование. 1908. № 9. С. 275–277 и др.

¹⁰¹ Шурма Д. Елка // Волжский вестник. 1899. № 20. С. 3.

¹⁰² Оленев И.В. Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 111; Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1898 г. Петрозаводск, 1899. С. 22. Цит. по: Илюха О.П.

учащихся эстетические чувства и интеллектуальные способности, отвлекать их от занятий, «не подходящих для детского возраста», и воспитывать таким образом «более здоровое (физически и морально) новое поколение» российских граждан¹⁰³.

На Рождество елки традиционно и повсеместно устанавливались как в сельских, так и в городских церковно-приходских школах¹⁰⁴. В XX веке сельская елка вышла за пределы школы. В рассказе М. Круковского, опубликованном в рождественском номере журнала «Мирок» за 1914 год, упоминается случай, когда в одной из сельских школ Олонецкой губернии детям отказались устраивать елку. Тогда они сами срубили и установили рождественское дерево, а затем нарядили его так, как смогли, – в тряпочки и конфетные обертки – и зажгли на нем свечи. Анализируя этот случай, О.П. Илюха усматривает причину столь быстрого и стойкого приобщения детей к «елочной» традиции в созвучии ее карельским языческим ритуалам¹⁰⁵.

Рождественский сочельник в России. Эстамп. 1876

В литературе сложилось устойчивое представление о том, что в рабочее жилище елка пришла только в советское время, ближе к концу 1930-х годов. Однако согласно источникам, наиболее «передовые» рабочие Москвы и Петербурга устраивали рождественские елки для своих детей еще в начале прошлого века¹⁰⁶. Тем не менее даже в первое послеоктябрьское десятилетие елка в доме рабочего была действительно явлением крайне редким, если не уникальным – ведь, как показывали обследования тех лет, даже в семьях «наиболее сознательных» рабочих с тремя и более детьми дошкольного возраста средний расход на игрушки в середине

Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. С. 241.

¹⁰³ Цит. по: Frank St.P. *Confronting the Domestic Other*. P. 99.

¹⁰⁴ См.: Жизнь крестьянских детей в 1890-х годах: Воспоминания учеников церковно-приходских школ // Городок в табакерке: Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): Антология текстов. «Взрослые о детях и дети о себе»: В 2-х частях. Ч. I: 1890–1940. М.; Тверь, 2008. С. 27.

¹⁰⁵ Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века. С. 242.

¹⁰⁶ Broido V. *Daughter of Revolution*. P. 28.

1920-х годов не превышал 0,4 % от годового бюджета¹⁰⁷, а следы присутствия самих детей («уголок с жалкими игрушками или кучка учебников и рисунков на столе или на окошке, иногда коробочки из-под конфет, картинки, цветочки, яички где-нибудь на полочке или на стене») были минимальны¹⁰⁸. Что уж было говорить о рождественской елке и украшениях!

Елочная игрушка стала своеобразным «мостиком» в установлении межкультурных контактов с представителями иных, далеких от рождественской традиции конфессиональных групп. Так, по данным местной русскоязычной газеты «Харбинский вестник», в управлении КВЖД в декабре 1904 года была устроена рождественская елка «для детей обоего пола» с приглашением «нескольких китайцев с семьями» и вручением им снятых с елки подарков¹⁰⁹. Потому совсем не удивительно, что, по свидетельству современницы, китайцы «никогда не опаздывали оказаться на улицах... с елками перед Рождеством», чтобы успеть их продать¹¹⁰.

К 1917 году елка и елочная игрушка представляли собой неперенные атрибуты российской рождественской праздничной культуры, четко стратифицированные по социальному принципу (елка «богатая» и «бедная», «семейная» и «благотворительная», «дворянская», «купеческая» и «интеллигентская», «городская» и «сельская» и т. д.). История ее существования в России насчитывала к тому времени уже несколько десятилетий, на протяжении которых мода на елочный стиль и убранство постоянно менялась. Долгое время – вплоть до начала XX века – в моде была елка богато украшенная, елка, на которой было много золота, серебра и блеска. В богатых домах в качестве елочных украшений (особенно в 1840-е – 1850-е годы, когда в России явно ощущался их дефицит) использовались дорогие ткани и ленты, драгоценности, ювелирные изделия – кольца, перстни, серьги¹¹¹. Образ «дорогой» елки прочно утвердился в детском сознании. В этой связи Е.В. Душечкина приводит весьма курьезный случай (со ссылкой на воспоминания А.Ф. Кони), когда маленький мальчик на вопрос матери «Кто этот дядя?» о нанесшем им праздничный визит господине, грудь которого была щедро увешена орденами, ответил: «Я знаю – это елка»¹¹². И впоследствии о женщине, без меры увешанной украшениями, часто говорили – «ряженая елка».

На рубеже XIX – XX веков елочная мода стала резко меняться. Раздавались призывы к простоте и естественности, выдвигался лозунг: «Убрать больше, чем добавить!» Перегруженное игрушками рождественское дерево конца XIX столетия должна была заменить «новая» елка, но какая? Единого мнения по этому поводу не существовало. В Европе ратовали за «возврат к старине», когда рождественское дерево украшалось лишь яблоками и выпечкой, или за его «органическое» украшение, запрещавшее вывешивать на елку все то, что не имело отношения к хвойным растениям – никаких яблок, никаких пряников! Модной считалась также «серебряная» елка. Такую елку должны были украшать лишь белые свечи и имитации снега и льда: серебряные шары и мишура, блестящая вата, «волосы ангела» и пр., что считалось показателем хорошего вкуса и изысканности. Как пишет одна из наиболее видных немецких исследователей елочной игрушки Э. Штилле, это были попытки создать из рождественского дерева произведение искусства не посредством внешних символов, а через воспитание эмоций, но особого успеха они не имели¹¹³.

¹⁰⁷ Кабо Е. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М., 1928. С. 41, 45 и др.

¹⁰⁸ Покровская А. Домашняя жизнь московских детей // Вестник просвещения. 1922. № 1. С. 14.

¹⁰⁹ Харбинский вестник. 1904. № 94. С. 2. Цит. по: Ермаченко И.О. «В Харбине все спокойно»: Повседневные межкультурные контакты в зеркале городской газетной хроники (начало XX в.) // Повседневность российской провинции: История, язык и пространство. Казань, 2002. С. 90.

¹¹⁰ Воспоминания Ю.В. Крузенштерн-Петерец // Россияне в Азии. 1997. Вып. 4. С. 138.

¹¹¹ Об этом см., в частности: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 79.

¹¹² Там же. С. 80.

¹¹³ Об этом см. подробнее: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 52.

В России в моду также стала входить более строгая елка, выполненная в бело-серебристых тонах, и фольклорная елка в «неорусском стиле», с деревянными резными украшениями, изготовленными русскими мастерами-игрушечниками, знаменовавшая собой тенденцию к возрождению национального своеобразия русской культуры. Но далеко не все следовали этой новой елочной-игрушечной моде. Многие продолжали наряжать пышную, шикарную елку. Так, елка конца XIX века, по описанию А.И. Куприна, – это елка, «украшенная сотнями свечей, золотыми и серебряными лентами, сверкающими погремушками, дорогими подарками, китайскими фонариками и целой коллекцией плюшевых птиц, жуков из фольги, стрекоз, пестрых бабочек и рыбок»¹¹⁴. Все это, естественно, требовало игрушечного изобилия, и такое изобилие в первые десятилетия XX века действительно было достигнуто.

Что «росло» на русской елке: елочные украшения второй половины XIX – начала XX века

В мемуарной и детской художественной литературе последней трети XIX – начала XX века встречается множество описаний русской рождественской елки с украшавшими ее игрушками. Очень часто такие тексты начинаются восторженной фразой «И чего там только не было!» и, как правило, относятся к категории «девичьих» текстов:

Чего тут не было! Какие прелестные бонбоньерки, шкатулочки, игрушки, фигурки и блестящие разноцветные гирлянды и цепи из леденца и золотых и серебряных шариков!.. Особенно красивы казались мне разные фрукты: яблоки, груши, апельсины, сливы и персики, прекрасно сделанные из сахара, и огромный пряничный дом, украшенный фольгой вместо окон, с шоколадными дверями и миндальными ручками, который стоял на самой верхушке дерева.

И чего только на ней не было! – Разные мелкие игрушки с конфетами: куколки в тюфячке, голубок, собачка, корзиночка с цветами, с ягодами, с фруктами, лошадка, слон, часы, органчик, полишинель, волшебный горшок – поднимешь крышку, выскочит уродец с преуморительной гримасой... А сколько блестящих украшений на этой елке было! Звезды, разноцветные шары, лампочки, золотые и серебряные подвески, жар-птица, павлины, а наверху большая звезда...¹¹⁵

Заметим, однако, что «этот пестрый набор предметов, висевших на дереве, как волшебные плоды»¹¹⁶, являлся отнюдь не случайным. Первоначально расположенные на ветвях русского рождественского дерева игрушки воссоздавали религиозный, евангельский сюжет, а само елочное дерево было наполнено религиозной символикой от макушки до подножия¹¹⁷.

¹¹⁴ Куприн А.И. Жизнь. Рождественская сказка // Куприн А.И. Собр. соч.: В 9-ти т. Т. I. М., 1970. С. 375.

¹¹⁵ Желиховская В. Как я была маленькой. СПб., 1891. С. 186; Макарова С. Зимние вечера: Рассказы для маленьких детей. СПб., 1905. С. 186. Цит. по: Костюхина М.С. Игрушка в детской литературе. С. 32–33.

¹¹⁶ Диккенс Ч. Рождественская елка. С. 394.

¹¹⁷ «Украшение сухих ветвей елок светильниками и сладостями поучительно показывает, что наша природа, бесплотная и безжизненная ветвь, только во Иисусе Христе – источнике жизни, света и радости – может принести духовные плоды: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание (Галл. 5: 22–23)». Как провести рождественский пост, рождество и святки. М., 1997. С. 78. Трактовку религиозной елочной символики можно найти в различных изданиях, хотя она (как, впрочем, и сами описываемые символы) является далеко не однозначной. В данной работе были использованы материалы из словаря символов, составленного Дж. Тресиддером. (см.: Тресиддер Дж. Словарь символов. М., 2001. С. 12, 36, 42, 64, 107, 122–123, 158, 172, 245, 258, 261, 293, 324, 331, 359, 394–395, 427–428).

Из коллекции Л. Блатт. 1, 4, 6. Игрушки с хромолитографией с использованием ваты и мишуры, 1890–1920-е гг. 2. Собака; дрезденская картонажная, ручная роспись; 1890–1920-е гг. 3. «Викторианская» подвеска; богемское стекло; 1890–1910-е гг. 5. Птица; цветной лак, перламутр; 1900–1910-е гг. 7. «Китайский бумажный фонарик»; стекло, цветной лак; 1920-е гг.

Верхушку дерева обычно венчала Вифлеемская звезда, а крестовина у подножия несла в себе изображение распятия как символа страстей Христовых. Человекоподобные крылатые создания – ангелы, возвестившие о рождении Христа, – отождествлялись с божественной волей. Кстати говоря, традиционный канон изображения детей, воспринятый впоследствии на советской елке, сложился в елочной иконографии применительно именно к изображению ангелов.

Гирлянда (бусы, цепи, венок, венец) как атрибут святости, страдания, смерти, воскрешения и бессмертия соседствовала на елке с флажками (флагами) – священным символом борьбы за веру. Елочные колокола (колокольчики) знаменовали собой божественный голос, проповедующий истину, а также напоминали те колокольчики, которые привешивали овцам палестинские пастухи, первыми узнавшие о рождении Младенца Христа и первыми поклонившиеся ему. Фрукты как особая «райская пища» были представлены на елке обязательными яблоками (символ Спасения и Познания¹¹⁸) и виноградом, выступающим в Ветхом Завете эмблемой плодов земли, равноценной Древу жизни¹¹⁹. Птица (Голубь Благовещения) выступала как носитель послания из божественных сфер, а ягненок (Агнец Божий) – как символ Христа. Овечка (овца) являла собой также символ паствы, нуждающейся в духовном проводнике и наставнике. Важнейшим символом христианских традиций являлись размещенные на елке свечи – эмблемы Христа, Церкви, Благодати и Веры, краткостью своего существования символизировавшие одинокую трепетную человеческую душу. Их прообразами были звезды и огни костров, освещавших путь Вифлеемских пастырей в Светлую ночь.

Большое значение придавалось не только световому, но и цветовому убранству рождественской елки. Золото как символ божественного начала и серебро как символ чистоты и целомудрия часто сочетались здесь с красным цветом (на фоне зеленых веток), ассоциировавшимся с Иоанном Крестителем и Страстями Господними (терновый венец и капли крови).

Под елкой мог располагаться рождественский вертеп – игрушечная пещера со Святым семейством и другими участниками рождественского действия, – изготовленный из дерева, кости, обожженной глины или картона.

Это были по существу готовые и хорошо узнаваемые образы. Но постепенно они утрачивали прямо прочитаемую религиозную символику, оставаясь в то же время неизменным атрибутом елочного убранства – религиозный компонент в елочном украшении был важным, но не главным:

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие.
Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити...

*А. Блок. Рождество*¹²⁰

¹¹⁸ Иисус Христос в образе Спасителя часто держит в руках яблоко или указывает на него; Ева сорвала яблоко с Древа познания Добра и Зла (Тресиддер Дж. Словарь символов. С. 427).

¹¹⁹ В христианской символике виноград выступает в качестве символа духовного возрождения, а вино почитается как кровь Христова («Я емь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь». Ин. 15:1).

¹²⁰ Блок А. Рождество // Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. II. М.; Л., 1960. С. 328.

1, 3. Рождественские Деда. Музей игрушки, Прага. 2010. Фото автора. 2. Шоколадная фигурка Св. Николая. 4. Дед Мороз. Деревянные рождественские украшения из Эрцгебирге. Специализированный магазин елочных украшений, Берлин, Германия. Февраль 2010. Фото автора. 5. Шоколадная фигурка Санта-Клауса. 6. Дед Мороз; прессованный картон, аппликация, бархат, ручная роспись; 1950-е гг., производство УССР. Из коллекции Л. Блатт. 7. Деда

Морозы. Магазин стеклянной и деревянной елочной игрушки, Прага. Февраль 2010. Фото автора

Процесс «обмирщения» Рождества в России происходил, с одной стороны, путем насыщения этого праздника западными традициями, а с другой – путем причудливого переплетения его со сложившимися святочными обычаями. Начавшись приблизительно в середине XIX века, он отчетливо обозначился на рубеже XIX–XX столетий. Тем не менее в источниках можно обнаружить случаи, когда отдельные елочные украшения с отчетливо выраженной религиозной символикой (например, елочные ангелы) использовались детьми в качестве предметов религиозного культа: «Я вспомнила, что у меня над кроватью висит картонный елочный ангел, и решила: буду молиться перед ним... С того дня я с увлечением стала молиться каждый вечер на коленях перед этим ангелом»¹²¹.

Наглядным примером сочетания западноевропейской религиозной и русской фольклорной традиции явился образ Деда Мороза (Святой Николай – Санта-Клаус – Мороз, Мороз Иванович, Морозко), утвердившийся на русских елках и в качестве висящей игрушки, и в качестве главной фигуры, стоящей под украшенным деревом, к рубежу XIX–XX веков¹²². А вот гораздо менее распространенная Снегурочка, по мнению Е.В. Душечкиной, своих западноевропейских предшественниц не имела¹²³.

Вначале из-за недостатка и дороговизны елочных игрушек, поступавших в продажу, а затем уже в силу складывавшейся традиции даже в аристократических семьях их часто мастерили дома. Считалось, что процесс изготовления елочных игрушек и украшения ими рождественской елки включает в себе важный эмоциональный и воспитательный смысл. «Посмотрите, – писал в конце XIX века уже упоминавшийся выше Е. Швидченко (Б. Быстров), – с каким восторгом один ребенок клеит самый простой мешочек для конфет и пряников, другой подчищает и заправляет свечи, третий ввязывает свечи, четвертый вешает на ветки игрушки»¹²⁴.

Накануне Рождества дети вместе с матерями, старшими сестрами, гувернантками и боннами проводили немало часов за изготовлением звезд и снежинок, за шитьем маленьких мешочков для подарков или склеиванием бумажных корзиночек, которые наполнялись сладостями. Процесс изготовления «самодельной» елочной игрушки в дворянской усадьбе 1870-х годов подробно описан в воспоминаниях дочери Льва Толстого Т.Л. Сухотиной-Толстой, созданных на основе ее дневников:

По вечерам мы все собирались вокруг круглого стола под лампой и принимались за работу... Мама приносила большой мешок с грецкими орехами. Распущенный в какой-нибудь посудине вишневый клей... и каждому из нас давалось по кисточке и по тетрабочке с тоненькими, трепетавшими от всякого движения воздуха, золотыми и серебряными листочками. Кисточками мы обмазывали грецкий орех, потом клали его на золотую бумажку и осторожно, едва касаясь ее пальцами, прилепляли бумажку к ореху. Готовые орехи клались на блюдо и потом, когда они высыхали, к ним булавкой прикалывалась розовая ленточка в виде петли так, чтобы за эту петлю вешать

¹²¹ Сухомлина А.В. Воспоминания дочери народовольца, 1962 // Городок в табакерке. Ч. I. С. 89. В данном случае речь идет о событиях, происходивших в конце 1890-х годов. В семье революционеров, где воспитывалась маленькая Анна, икон не было вообще.

¹²² Как утверждал В.Я. Пропп, фольклор есть явление интернациональное, которое не может быть исследовано глубоко в рамках одной народности, поскольку представляет собой наложение «исходных моделей этнографических субстратов разных народов» (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 33).

¹²³ Душечкина Е.В. Русская елка. С. 383.

¹²⁴ Швидченко Е. (Быстров Б.) Рождественская елка. С. 8.

орех на елку. Это была самая трудная работа: надо было найти в орехе то место, в которое свободно входила бы булавка, и надо было ее всю всунуть в орех. Часто булавка гнулась, не войдя в орех до головки, кололись пальцы, иногда плохо захватывалась ленточка и, не выдерживая тяжести ореха, выщипывалась и обрывалась. Кончивши орехи, мы принимались за картонажи. Заранее куплена бумага, пестрая, золотая и серебряная. Были и каемки золотые, и звездочки для украшения склеенных нами коробочек... Клеились корзиночки, кружечки, кастрюлечки, бочонки, коробочки с крышками и без них, украшенные картиночками, звездочками и разными фигурами.

Потом одевались “скелетцы”... В мое детство ни одна елка не обходилась без “скелетцев”. Это были неодетые деревянные куклы, которые гнулись только в бедрах. Головка с крашеными черными волосами и очень розовыми щеками была сделана заодно с туловищем. Ноги были вделаны в круглую деревянную дощечку, чтобы кукла могла стоять. Этих “скелетцев” мама покупала целый ящик, штук сто. Они... раздавались уже одетыми каждому приходящему на елку ребенку. Вместе с ящиком “скелетцев” мама приносила огромный узел с разноцветными лоскутами. Все мы запасались иглками, нитками, ножницами и начинали мастерить платья для голых скелетцев. Одевали мы их девочками, и мальчиками, и ангелами, и царями, и царицами, и наряжали в разные национальные костюмы: тут были и русские крестьянки, шотландцы, итальянцы и итальянки¹²⁵.

¹²⁵ Сухотина-Голстая Т.Л. Воспоминания. С. 88–89. Отрывки из этих воспоминаний как наиболее ярко отражающих процесс изготовления домодельных елочных игрушек включены и в книгу Е.В. Душечкиной «Русская елка» (с. 153–154).

Куклы-«скелетки». Музей игрушки, Мюнхен. 2009. Фото Е. Сярой

Впрочем, куколки-«скелетки» (а точнее говоря, «скелетки») – самый дешевый сорт кукол, идущий по три копейки за штуку, – продавались и одетыми и могли попасть на елку уже в таком виде¹²⁶.

Помимо «скелеток» на елки попадали и куклы-«талии», туловища которых делались из двух половинок папье-маше (отсюда и тонкая талия, давшая название игрушке), а головки с покатыми плечами – из мастики; глаза прорезывались и вставлялись стеклянные¹²⁷.

Нехватка елочных игрушек в провинции делала «домодельные» их образцы особенно популярными. «Мои сестры и я под руководством Юнишны (няни. – А. С.) вырезали и клеили картонажи, бумажные цепи, привязывали нити к пряникам с картинками, к позолоченным грецким орехам, которые тоже вешались на елку»¹²⁸, – писал В.И. Адо, и подобных свидетельств было немало¹²⁹. Такие игрушки часто изготавливались в благотворительных целях. Их раздавали на елках «для бедных» и приглашенным в богатые дома детям «из простых», отправляли в сиротские приюты и даже посылали на фронт во время Первой мировой войны.

¹²⁶ Изергина А.Н. О моем отце, художнике Н.Д. Бартраме // Бартрам Н.Д. Избранные статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 97–98.

¹²⁷ Там же. С. 98.

¹²⁸ Адо В. Вспоминая о прошлом. С. 47.

¹²⁹ Выдержки из воспоминаний современников об изготовлении самодельных елочных игрушек в дореволюционном Архангельске см.: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 41–45.

Старые рождественские открытки

Между тем профессионально изготовленных елочных украшений на русских елках становилось все больше и больше. Авторы мемуаров сообщали, что на елках наряду с самодельными украшениями обычно висело и много других вещей: «Вот пряники в виде львов, рыб, кошек... Вот огромные конфеты в блестящих бумажках, с приклеенными к ним фигурами лебедей, бабочек и других животных, сидящих в гнезде пышной кисеи... Вот очень забавные

флакончики в виде козлят, поросят и гусей, с красными, желтыми и зелеными духами. У поросят и козлят пробки воткнуты в морды, а у гусей в хвосты»¹³⁰.

Особенно богатым стал предлагаемый и потребляемый елочный ассортимент к началу XX века. Он насчитывал не одну сотню наименований. Так, один из крупнейших торговых домов России, продававших елочные украшения, – «Торговый дом Тихомирова и К^о» – предлагал в 1913 году перечень елочных игрушек и карнавально-праздничных изделий, изложенный «в сжатом виде» на 12 листах убористой печати и включавший 72 наименования одного только комнатного фейерверка¹³¹. В Москве елочную игрушку, в том числе кустарную русскую, можно было приобрести в магазинах Аксенова и Васильева, Тихонова и Зверева, у Мюра и Мерилиза¹³².

Целостное и достаточно полное представление о мире елочной игрушки дает нам русская рождественская и новогодняя иконография второй половины XIX – начала XX века, представленная, в частности, новогодней и рождественской открыткой. Как отмечал Е.В. Иванов, на русской новогодней открытке начала XX века можно было видеть украшавшие елку шары, бусы, гирлянды, звезды, канитель, снег и снежинки, дождик, серпантин, конфетти, свечи, хлопушки, флаги, кольца, колокольчики, шишки, фонарики, деревья, грибы, веера, кукол, письма, корзинки, домики, коней, всадников, трубочистов, детей, чертей, ангелов, клоунов, воздушные шары, парашюты, сердца, барабаны, горны, свиней, яблоки, орехи, груши, огурцы, цветы, конфеты, баранки, пряники, печенье, рогалики, кренделя и многое-многое другое¹³³.

Круг елочных игрушек все более расширялся, а сами они становились все более разнообразными. По технологии производства и применяемым материалам елочные игрушки конца XIX – первых десятилетий XX века условно можно было подразделить на следующие основные группы: игрушки, сделанные из папье-маше или ваты, накрученной на жесткий каркас; изделия из воска; игрушки, изготовленные с использованием метода хромолитографии; картонажные («дрезденские») елочные украшения; изделия из стекла; сахарно-пряничные изделия. Производились также елочные украшения из металла, дерева, бумаги и пр.

¹³⁰ Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. С. 92.

¹³¹ См.: Ершова О. Елочный ассортимент. С. 24.

¹³² Боруцкий В.И. Кустарный игрушечный промысел Московской губернии // Игрушка. Ее история и значение. М., 1912. С. 208; Игрушка – радость детей. М., 1912 (иллюстрации и описания к ним).

¹³³ Иванов Е.В. Новый год и Рождество в открытках. СПб., 2000. С. 90.

К концу XIX в. украшенная рождественская елка стала неперенным атрибутом даже кукольных домов. Музей игрушки, Прага. 2010. Фото автора

Внедрение папье-маше произвело настоящую революцию в игрушечном производстве¹³⁴. Это произошло в Германии приблизительно в 20-е годы XIX века, когда данный материал был использован при изготовлении детских игрушек зоннебергским кустарем Фридрихом Миллером¹³⁵. С тех пор Тюрингия стала считаться колыбелью декоративного елочного производства. На протяжении многих десятилетий именно папье-маше в значительной степени составляло основу этой отрасли ремесленно-кустарной и фабричной промышленности. Формовщики легко делали из пластичной массы фигурки людей, животных, рыб и птиц, овощи и фрукты. Сверху они обычно покрывались специальной солью, уплотнявшей поверхность и придававшей ей слабый искрящийся блеск. Изделия из папье-маше, реже – ваты, накрученной на жесткий каркас (иногда они комбинировались), обычно расписывались вручную и украшались дополнительно цветной папиросной бумагой, пряжей, стеклянными вставками. Такие игрушки были относительно дешевы и несложны в производстве, неплохо сохранялись, поэтому они оказались очень востребованными потребителем. Они успешно выдержали конкуренцию с деревянными резными украшениями, главным недостатком которых было отсутствие пластичности, и с украшениями из ржаного теста (из него обычно изготавливались отдельные части елочных фигурок, например головы) – тесто плесневело, крошилось, его грызли мыши; такие игрушки плохо сохранялись. Наиболее распространенными видами елочных игрушек из папье-маше, висевшими в XIX веке на русских елках, были изображения ангелов, фей, зверей и птиц.

Другим популярным видом елочных игрушек были украшения из воска. В их изготовлении обычно использовался обесцвеченный цветной пчелиный воск с добавками для усиления прочности. Воск легко отливался в формы, а игрушки получались изящные и «как настоящие». Вот как трепетно и нежно описывает воскового ангелочка, «небрежно повешенного в гуще темных ветвей» на рождественской елке в богатом доме Свешниковых, Леонид Андреев: этот ангелочек казался «словно реявшим по воздуху. Его прозрачные стрекозиные крылышки трепетали от падавшего на них света, и весь он казался живым и готовым улететь. Розовые ручки с изящно сделанными пальцами протягивались кверху». Далее автор пишет о том, что эта игрушка была не только «изящная», но и «дорогая»¹³⁶. Действительно, воск был мягким, дорогим и непростым в производстве материалом. Кроме того, он легко плавился в пламени свечей.

¹³⁴ Папье-маше (фр. *papier mâché*, букв. «жёваная бумага») – легко поддающаяся формовке масса, получаемая из бумаги с добавлением клеящих или склеивающих веществ (песка, цемента, муки, клея, крахмала, гипса, мела и пр.).

¹³⁵ О производстве игрушек из папье-маше в Германии см.: Оршанский Л.Г. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России // Игрушка: Ее история и значение. М., 1912. С. 26.

¹³⁶ Андреев Л. Ангелочек // Андреев Л. Рассказы. М., 1977. С. 41, 43.

Из коллекции Л. Блатт. 1. Сова; папье-маше, стеклянные глаза, ручная роспись; 1910–1920-е гг. 2–4, 6, 7. Картонажные дрезденские игрушки: лебедь (ручная роспись, 7 см), заяц с мячиком (фольгированная, 11 см), «викторианская» пчела (фольгированная, разносторонняя,

9 см), Лейпциг. 5, 8. Богемские монтированные игрушки: лестница, велосипед. 9. Мухомор; вата, папье-маше, ручная роспись; 1920-е гг.

Нестойкость материала вела к утрате игрушек. Растаял повешенный у горячей печки восковой «ангелочек» Леонида Андреева. В жарко натопленной комнате без следа исчез и блоковский сахарный «сусальный ангел»:

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад.
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...
Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет – нет его...¹³⁷

Помимо чисто восковых делались также игрушки комбинированные – из папье-маше с нанесением воска. Основным недостатком таких изделий было то, что тонкий слой воска давал усадку с разной скоростью, и образовывались трещины¹³⁸. Большой популярностью на рынке елочных украшений пользовались прелестные ватные куколочки с проволочным каркасом внутри и личиками, сделанными из того же воска или папье-маше, производство которых началось в последние десятилетия XIX века. В первые десятилетия XX века популярна была серия, изображавшая по-зимнему одетых детей с фарфоровыми головками.

Весьма популярны также были елочные игрушки, изготовленные с применением техники хромолитографии (иногда их называли «облатками» или «хромосами»). Уже в первые десятилетия XIX века в Германии стали изготавливать для елок фигурки ангелочков, фей, принцев и принцесс с красивыми, но как бы застывшими, в соответствии с художественным вкусом той эпохи, плоскими («нарисованными») литографическими (бумажными) лицами, приклеенными к туловищу из бумаги, ваты, картона, ткани, кружев. Эта технология позднее пришла и в Россию. К началу XX века лица стали делать выпуклыми – из картона, позже из фарфора. Фарфоровые кукольные головки-заготовки ввозились в Россию из Саксонии и Тюрингии.

Одними из самых дешевых были картонажные игрушки, которые начали производить в последней трети XIX века. Их могли позволить себе и представители средних слоев населения. В связи с тем, что родиной этих игрушек был немецкий Дрезден, их стали называть «дрезденскими», хотя картонажное производство в неменьшей степени было развито также и в Лейпциге. Картонажные игрушки – объемные и плоские – обычно изображали животных, птиц, рыб, насекомых, позднее – военную и гражданскую технику (дирижабли, самолеты, парашюты, автомобили и пр.). Такие игрушки склеивались из двух половинок выпуклого тонированного картона, покрывались золотой или серебряной монохромной фольгой, иногда – крошками стекла, расписывались вручную. Можно сказать, что вплоть до революции именно картонажи были самым распространенным, доступным и любимым елочным украшением в России.

¹³⁷ Блок А. Сусальный ангел // Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. Т. III. М.; Л., 1960. С. 133.

¹³⁸ О технике производства игрушек см., например: Кей Х. Куклы, игры и игрушки. М., 2003. С. 12–14. Многие из описываемых технологий применялись и при создании елочных украшений из аналогичных материалов.

Северо-русские козули. Из книги: Т.В. Зеленина. Елка моего детства. Архангельск, 2006.

При всем многообразии игрушек, украшавших русские елки, особое место среди них, безусловно, занимали игрушки из стекла. Ведь именно посеребренное стекло позволяло рождественскому дереву сиять во всем его блестящем великолепии, отражая и усиливая игру света.

Первые стеклянные украшения, появившиеся на русских елках в середине XIX века, представляли собой исключительно немецкие образцы. Однако вплоть до 1870-х годов их производилось в самой Германии еще явно недостаточно, чтобы полностью обеспечить ими другие страны, в том числе Россию. На российский рынок также ввозились чешские (богемские) стеклянные елочные украшения, но несмотря на их изящество и разнообразие они так и не сумели превзойти немецкие изделия по степени распространенности и востребованности. Стоили все эти игрушки недешево, кроме того, таможенные пошлины на ввоз готовых изделий из стекла были очень высоки. Иметь на елке хотя бы одну такую вещь было весьма престижно, а общее их количество свидетельствовало об уровне обеспеченности семьи и статусе хозяина дома¹³⁹.

¹³⁹ Считается, что первые стеклянные шары для елки были изготовлены в середине XIX века в небольшом городке Лауше в Тюрингии. Первая стеклодувная мастерская была основана здесь еще в 1597 году. Со второй половины XVIII века в Лауше выдували маленькие бусинки из цветного или прозрачного стекла, часто в виде фруктов, служивших модным украшением дамских шляп и свадебных венков. Именно эти небольшие шарики послужили основой для зарождения стеклянных елочных украшений. Изнутри первые елочные шары (иногда их называют «ртутными») покрывали слоем свинца, что делало производство крайне вредным, а снаружи украшали блестками или расписывали. В ту пору стеклянные игрушки были грубоватыми и очень тяжелыми: тонкое стекло производить еще не умели. В 1867 году в Лауше был открыт первый газовый завод по производству тонкостенного стекла. Отныне в ассортимент игрушечников вошли не только шары, но и тонкостенные серебристые стеклянные предметы более сложной и замысловатой формы – виноградные гроздья, птички, рыбки, кувшинчики, дудочки и пр. Эти изделия отличались от своих предшественников не только хрупкостью и изяществом: применявшееся ранее свинцовое покрытие было заменено менее вредным и более качественным серебрением (на место свинцовой прослойки внутри шара пришел нитрат серебра), изобретенным на рубеже 1860–1870-х годов в Англии и усовершенствованным выдающимся немецким химиком Юстасом фон Либихом (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 12–21). Однако «вредное» зеркальное покрытие частично использовалось в производстве елочной игрушки вплоть до конца XIX века. Газета «Московские ведомости» сообщала в 1887 году, что из лучших парижских магазинов в рождественские праздники 1886 года были изъяты игрушки, окрашенные «мышьяковистыми красками» (цит. по: Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в

Пряничные рождественские домики. Из книги: Brüder Grimm. Hänsel und Gretel. Verlag Karl Nitzsche, Niederwiesa, 1987. Фото: Klaus Götze

Среди елочных украшений немало было и сахарно-пряничных изделий, конфет и фруктов. Популярны были пряничные домики и украшения из соленого теста – ангелочки, гномики, девочки, мальчики. «Сладкие» украшения делались из сахара и леденцов, из карамели и шоколада. Часто им придавалась форма игрушек¹⁴⁰. В связи с тем, что произведения «кондитерской архитектуры» (Е.В. Душечкина) так долго преобладали среди украшений рождественского дерева, сами елки в России в конце 1830-х – 1840-е годы обычно продавались в кондитерских Москвы и Петербурга, принадлежавших иностранцам, в первую очередь швейцарцам. Причем это были елки, если можно так выразиться, готовые к употреблению, елки уже украшенные – картонажами, китайскими фонариками, свечами, «моделями вещей, уменьшенными по масштабу» и, конечно же, разнообразными сладостями¹⁴¹.

Именно среди «съедобных» елочных украшений встречались, пожалуй, одни из наиболее ранних изделий сугубо российского происхождения. Речь идет об особой разновидности пряников – северо-русских козулях, национальном лакомстве поморов, выпекавшемся обычно только раз в году, на Рождество¹⁴². Холмогорские и мезенские козули изготавливались из ржа-

связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). М., 1887. С. 73). Другим важным центром производства стеклянных елочных украшений стала Богемия. Чешский город Яблонец издавна имел прочные традиции стеклянного производства. Еще в середине XVIII века здешние мастера перешли от производства бытового стекла к изготовлению художественных украшений, искусственных драгоценных камней и жемчужин для пуговиц и бус, а с конца века – стеклянных подвесок для люстр и светильников. Именно на их основе родились богемские, или чешские, рождественские украшения, состоящие из маленьких скрепленных между собой бусинок.

¹⁴⁰ Образ такого кондитерского рая был нарисован Гофманом при описании кукольного царства Щелкунчика и его столицы Конфетенхаузена (см.: Гофман Э.Т.А. Щелкунчик и мышинный король. С. 140–147).

¹⁴¹ См.: Душечкина Е.В. Русская елка. С. 76–78.

¹⁴² О них см.: Ru: wikipedia.org/wiki/Козули. В настоящее время козули производятся в Архангельской и Мурманской областях, а также на Урале.

ного теста, а затем поливались сахарной глазурью – белой или цветной (чаще – розовой) и украшались сусальным золотом. В святочной обрядности они символизировали достаток и благополучие в доме, хранились до следующего Рождества и часто использовались детьми вместо игрушек. С утверждением рождественской елки козули стали широко использоваться для ее украшения, прежде всего жителями Архангельской губернии. Этому способствовала не только их популярность, но и подходящий размер – около 1,5–2 вершков (7–9 см). Правда, встречались и 50-сантиметровые пряники, которые обычно ставились под елку. Стоили козули от копейки до рубля, но наиболее вычурные изделия кондитеров могли достигать цены в 10 рублей и более. Если первоначально козули изображали преимущественно домашних животных (козликов, коровок, бычков, оленей, коньков), то впоследствии для украшения елки стали изготавливаться изделия с рождественской тематикой: звезды, ангелы, пастухи, корзины с дарами, вазы с цветами, елочки, виноград и даже Деда Морозы. В начале XX века на елки вешались козули, изображавшие пароходы, паровозы, велосипедистов и аэропланы, а позднее, в советское время, – даже орлы в короне с надписью «РСФСР»¹⁴³. Эта традиция была перенята у поморов жителями Урала. Такие пряники рассылались накануне Рождества не только по всей России, но отправлялись также и за границу.

«Сладкие» елочные игрушки были необычайно популярны и очень причудливо и искусно изготовлены. В авторизованном переводе рождественского стихотворения немецкого поэта и писателя Арно Гольца (Хольца), опубликованном в журнале «Нива» в 1908 году и не раз уже цитировавшемся отечественными исследователями русской елки, помимо «с тельцем розовым из марципана» свинки упоминаются и гораздо более сложные и затейливые украшения, в том числе сахарные:

И в комнате у нас вдруг елка вырастает!
Дивишься, трешь глаза: стоит, не исчезает...
Зеленые шнуры протянуты – на них
Фигурок множество и страшных и смешных:
То парня на коньках увидишь, то китайца,
То птичье гнездышко, то с барабаном зайца;
Где – красноносый хват, где – бородатый гном,
Чуть не целуются теленок со слоном,
И черный трубочист, и черный негр, и это
Из сахара ведь все! Что ни возьмешь – конфета!
Пушистый, желтенький, как пленник из оков,
Цыпленок вылезти из скорлупы готов;
Степенный господин, весь бритый и в манишке,
Как будто держится за длинный хвост мартышки.
А наверху-то что! Что наверху для нас!
Там пушка медная – вот выпалит сейчас;
И рядом с ней гусар, обшитый галунами:
Сдается, что и он съедобен, между нами...

*В. Лихачев. Рождественские ночи*¹⁴⁴

Именно «съедобные» украшения наделяли елку тем специфическим, присущим ей «праздничным» запахом, который сохранялся в индивидуальной и коллективной памяти прочно и надолго и, в общем-то, не менялся на протяжении десятилетий – когда «мандаринами

¹⁴³ Писахов С.Г. О козулях (1927) // www.velib.com/book.php?avtor=P=343_1&book=5860_1_1.

¹⁴⁴ Лихачев В. Рождественские ночи (Из Арно Гольца) // Нива. 1908. № 51. С. 895.

и бором пахло так долго после Рождества»¹⁴⁵ («и мандаринами, и бором в гостиной пахнет голубой»¹⁴⁶).

Особое место среди елочных украшений занимали изделия из бумаги, фольги, металла. Популярными украшениями для рождественской елки стали хлопушки¹⁴⁷, елочная мишура, первоначально изготовлявшаяся из олова, гирлянды, звезды, косички, цветы из металлической проволоки. Огромную роль в совершенствовании процесса производства елочных украшений сыграло открытие все в той же Германии, в Нюрнберге, способа имитации сусального золота. Тончайшую пленку – поталь («фальшивое» сусальное золото) – получали из латуни, сплава меди и цинка.

Мода украшать елку электрическими гирляндами возникла ближе к рубежу XIX – XX веков¹⁴⁸, но они были так дороги, что купить их могли только состоятельные люди. Чаще гирлянды брали напрокат. При этом они были не менее пожароопасны, чем обычные свечи, – лампочки накалялись настолько сильно, что хвоя вспыхивала. Кроме того, гирлянды эти не отличались надежностью: лампочки в цепи соединялись последовательно, если перегорала одна из них, то сразу отключалась вся гирлянда.

Во многих домах обычай зажигать свечи на елках сохранялся вплоть до середины XX столетия. Даже в советских сценариях детских новогодних праздников, относящихся ко второй половине 1940-х годов, Дед Мороз все еще призывает «зажечь на елке свечи»¹⁴⁹ (что, кстати говоря, неоднократно приводило к драматическим и даже трагическим последствиям¹⁵⁰).

Умельцы украшали елки самодельными гирляндами, изготовленными из обычных электрических лампочек. Лампочки эти, как, впрочем, и другие лампы в той комнате, где стояла елка, «для красоты» обертывали цветной бумагой¹⁵¹. Только с 1950-х годов электрическая гирлянда стала более привычным украшением на домашней елке.

Все эти красивые и разнообразные висящие на елке украшения создавали впечатление богатства и праздничного изобилия и формировали, как казалось, целостный образ широкой и щедрой «русской» елки. Но взятые сами по себе, вне складывавшегося елочного декоративного ансамбля, они с трудом могли быть применены в практиках наделения национальной идентичностью. Как уже отмечалось, львиная доля этих украшений производилась за пределами страны в соответствии с «чужими» идеологическими, эстетическими и художественными сте-

¹⁴⁵ Набоков В. Другие берега // Набоков В. Другие берега. Романы. М., 2000. С. 468. То же – у Анастасии Цветаевой: «Ее (елки. – А. С.) запах заглушает запахи мандаринов и восковых свечей» (Цветаева А.И. Воспоминания. М., 1971. С. 69). А вот Валентину Катаеву навсегда запомнился «опьяняющий», «ни с чем не сравнимый», «острый» запах «мерзлой хвои» (Катаев В. Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона // Катаев В. Избр. произв.: В 3-х т. Т. II. М., 1977. С. 18).

¹⁴⁶ Набоков В. Рождество // Круг: Поэтические произведения. Рассказы. Л., 1990. С. 30. Этот хвойно-цитрусовый запах и сегодня хорошо знаком каждому из нас и воспроизведен в лучших образцах французской парфюмерной продукции от Thierry Mugler.

¹⁴⁷ Хлопушку изобрел в 1847 году известный лондонский кондитер Томас Смит. Находясь в канун Рождества в Париже, он увидел, как французские кондитеры заворачивали засахаренный миндаль в красивую упаковочную бумагу, закручивая оба конца. В Британии в то время сласти обычно не заворачивали. Смит решил повторить французский опыт. Через 13 лет он усовершенствовал изделие, изменив его упаковку. Отныне она состояла из двух свернутых кусков химически обработанной бумаги, издававшей громкий треск при разрывании. Идея Смита была быстро подхвачена другими производителями. И, чтобы выжить в конкурентной борьбе, он вновь усовершенствовал свое изделие, заменив вложенную конфету подарком-сюрпризом. На протяжении многих лет и вплоть до нынешнего дня фирма, основанная Томасом Смитом, правда поглощенная в 1998 году более крупной корпорацией, является основным поставщиком хлопушек для британского королевского двора. Она продает более 45 млн. коробок хлопушек ежегодно (Harding P. The Christmas Book. P. 168).

¹⁴⁸ Елочную электрическую гирлянду подарили миру Соединенные Штаты. Она была сконструирована американским инженером, сотрудником компании General Electric Эдвардом Джонсоном, ассистентом Томаса Эдисона, в 1882 году, через три года после изобретения электрической лампочки. (По другим данным, идея использовать электрические лампочки вместо свечей принадлежала англичанину Ральфу Моррису.)

¹⁴⁹ Елка: Репертуарный сборник. Ижевск, 1947. С. 4.

¹⁵⁰ Об этом см., в частности: Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington, 2000. P. 105–107.

¹⁵¹ См.: Lugovskaya N. A Diary of a Soviet Schoolgirl. 1932–1937. Moscow, 2003. P. 198.

реотипами. «Весь наш рынок заполнен иностранными игрушками, – с горечью констатировал профессор Л.Г. Оршанский в 1912 году. – Игрушки эти – памятники чуждого нам быта»¹⁵².

Начиная со второй половины XIX века Германия стала основным производителем и экспортером елочных украшений и оставалась в этой области мировым лидером и монополистом вплоть до 1918 года. Промышленная революция создала недорогие производственные технологии, облегчившие и усовершенствовавшие процесс изготовления елочных игрушек и существенно снизившие стоимость продукции. По подсчетам Л.Г. Оршанского, среди производимых в Германии в 1880-е годы игрушечных изделий 70 % составляли дешевые, 25 % – средние и только 5 % – дорогие¹⁵³. Вместе с ростом производства расширился и круг потребителей – представителей среднего класса с доходами, которые позволяли приобретать игрушки, изготовленные машинным способом¹⁵⁴. Немецкая елочная игрушка стала одной из самых дешевых и, соответственно, распространенных в мире¹⁵⁵.

Особенно интенсивно развивалось ее производство в Саксонии и Тюрингии¹⁵⁶. В Саксонии изготавливались игрушки из ваты, тонкой проволоки, миниатюрные восковые фигурки. Изготовители из Тюрингии предлагали маленьких, похожих на ангелочков, куколок из папье-маше, с фарфоровыми головками, белокурыми локонами из овечьей шерсти, в коротеньких юбочках, с крылышками, выдутыми из стекла. Были ангелочки, и полностью сделанные из воска. Производство, специализировавшееся на изготовлении дорогой бумаги, предлагало украсить елку карточками в форме листочков, виноградных гроздьев, звездочек, колокольчиков и крестиков с напечатанными на них высказываниями из Библии. На выбор предлагались также разноцветные пестрые флажки из тончайшей «шелковой» бумаги, коробочки, сундучки, мешочки различных форм и цветов, наполненные подарками. Тисненные глянцевые картинки, использовавшиеся раньше для оформления альбомов, теперь с успехом украшали елку: на них изображался Святой Николай, ангелы и т. д.

Разнообразны и совершенно не ограничены по тематике были картонажные украшения: помимо коров, слонов, экипажей и повозок, запряженных осликами, здесь были и кофемолки, и дамские ботинки, и локомотивы, и пароходы. Немецкие стеклянные шары обретали подчас самые причудливые формы – фруктов, звезд, лир, якорных крестов. В общем, как писала Э. Штилле, елочные украшения в Германии в это время производили из всех мыслимых и немыслимых материалов во всех отраслях народного хозяйства¹⁵⁷. Достигнутый здесь высокий технологический уровень елочно-игрушечного производства позволил успешно решить проблему доступности, массовизации, а главное – разнообразия елочной игрушки.

¹⁵² Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 51. См. также: Он же. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России. С. 3–64.

¹⁵³ Оршанский Л.Г. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России. С. 34.

¹⁵⁴ См.: Кей Х. Куклы, игры и игрушки. С. 6.

¹⁵⁵ Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 32.

¹⁵⁶ Представленное ниже описание елочных украшений, производимых в последней четверти XIX века в Саксонии и Тюрингии, осуществлено по книге Э. Штилле (см.: Stille E. Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts. S. 12).

¹⁵⁷ Ibidem.

Богемское рождественское дерево, изготовленное из гусиных перьев, с дрезденскими украшениями из прессованного картона и фигурками из ваты. Конец XIX в. Музей игрушки, Прага. 2010. Фото автора

Русские оптовые торговцы один-два раза в год обязательно выезжали в Германию за елочной игрушкой. Как отмечал тот же Л.Г. Оршанский, «все дешевое, доступное, умело распространяемое, крепко оседающее» на рынке игрушек и елочных украшений шло в то время в Россию из Германии и в 1910 году, например, даже несколько превышало, по его подсчетам,

экспорт в такие страны, как США или Англия¹⁵⁸. Тающий «сусальный ангел» Александра Блока – это тоже немецкая елочная игрушка, о чем прямо сказано в одноименном стихотворении, написанном 25 ноября 1909 года («Но ангел тает. Он – немецкий, ему не больно и тепло»)¹⁵⁹. Преобладание немецкой игрушки отмечалось и в частной переписке того времени: «Елка, как всегда... великолепна. Огромная, пушистая, со множеством новых немецких игрушек!»¹⁶⁰

¹⁵⁸ Оршанский Л.Г. Игрушки. С. 52, 59.

¹⁵⁹ Блок А. Сусальный ангел. Указ. соч.

¹⁶⁰ Почтовая открытка от Эльзы Н. Ксении Н. Начало XX века. Цит. по: Зеленина Т. Елка моего детства. С. 3.

Карл Ларссон. Рождественское утро. 1890-е гг.

Из Германии же ввозились в Россию и игрушечные заготовки – цветные и фольгированные картонажные фигурки, фарфоровые головки, заготовки из стекла, которые уже здесь превращались в готовую игрушку.

Отсутствие собственного производства елочной игрушки до некоторой степени обусловило тот факт, что русская елка долгое время оставалась «аполитичной» и была практически лишена той «национальной» символики, которая отличала елки германские или британ-

ские. Так, одним из неперенных британских елочных атрибутов стал во второй половине XIX века британский национальный (Union Jack) флаг, вывешиваемый на верхушку дерева (вместо звезды или ангела) вплоть до конца столетия¹⁶¹. Иногда под флагом метрополии на расположенных ниже еловых ветвях вывешивались флаги доминионов. Таким путем демонстрировались не только сила и могущество великой Британской империи, но и четкая территориально-политическая субординация внутри нее и в то же время мнимая гомогенность имперского пространства. А елочные украшения в «эпоху национализма» выполняли важную функцию одного из таких гомогенизирующих средств¹⁶².

Расцвет «патриотической» немецкой елочной игрушки пришелся на время Первой мировой войны, когда празднование Рождества в Германии приобрело особое идеологическое звучание. Как указывал немецкий историк Ю. Мюллер, формируя единство и сплоченность германской нации, производители выпускали елочную игрушку в виде черно-бело-красных национальных флажков (флагов) и гирлянд, орлов, железных крестов, ставших в ту пору основной военной наградой, шаров, стеклянных розеток и нитяных звезд с изображением кайзера Вильгельма. В черно-бело-красный цвет раскрашивались и другие рождественские украшения, на елку они подвешивались на черно-бело-красных ленточках. Популярными стали елочные игрушки в виде ручных гранат, мин и винтовок, подводных лодок, дирижаблей и цеппелинов. Существовала даже специальная рождественская выпечка в форме железного креста¹⁶³.

¹⁶¹ Об этом см., в частности: Lejeune M.K. *Compendium of Symbolic and Ritual Plants in Europe*. Ghent, 2002. P. 64.

¹⁶² Суни Р. Империя как она есть: Имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 18–19.

¹⁶³ Хавронин А. Свастика на елочку // www.svobodanews.ru/content/article/1907610.html; Stille E. *Christbaumschmuck des 20. Jahrhunderts*. S. 44.

Немецкие «патриотические» елочные игрушки периода Первой мировой войны. Экспозиция Документационного центра, Кельн. Фото Наталии Королевой

Елочные украшения, висевшие на русских елках, были практически лишены какой-либо политической символической соотнесенности. Даже советские педагоги 1930-х годов, анализируя состав и характер предреволюционных российских елочных украшений, обвиняли их прежде всего в «беспредметной красивости», за исключением, пожалуй, лишь рождественских «херувимов» как типичного образца «сюжетной религиозной» елочной игрушки¹⁶⁴.

Правда, со временем у немецких игрушек появился российский конкурент: постепенно, шаг за шагом, в стране стал налаживаться кустарный промысел по производству елочных украшений, хотя развитие его шло медленно, и он не мог удовлетворить даже малой доли потребительского спроса.

Одни из первых стеклодувных мастерских в России находились в Круговской волости Клинского уезда Московской губернии¹⁶⁵. В 1848 году в небольшом селе Александровка – имении князей Меншиковых – был открыт стекольный завод. Первоначально на заводе было всего три печи, количество рабочих из числа крепостных составляло 80 человек, и производились здесь лампы, бутылки и изделия из цветного стекла.

Своего наивысшего расцвета производство достигло в 1860–1870-е годы: ежегодно на заводе производилось более 1,5 млн. стеклянных и хрустальных ваз, ламп, люстр, флаконов и пр.¹⁶⁶, получивших заслуженное признание как в России, так и за рубежом¹⁶⁷. С конца 1870-х годов производство стекла начинает развиваться в самом Клину и в соседних деревнях.

Первоначально на предприятиях работали выписанные из Владимирской и Тверской губерний мастера, но постепенно в производственном процессе оказалось задействовано все больше крестьян из окрестных деревень. Овладев необходимыми навыками, они начали открывать собственные мастерские по изготовлению так называемых «камушных» изделий – «дутых» бус, серег, пуговиц из толстостенного стекла. К концу XIX века кустари подмосковных деревень Гологузово, Семчино, Крюково, Крутицы, Чертянино, Воловниково, Копылово, Коросты весьма преуспели в этом промысле. Именно здесь находились богатые залежи кварцевого песка, необходимые для стекольного производства. Изделия выдувались из стеклянных трубочек-дротов разной длины и диаметра. Используя кружку-горелку, стеклодув разогревал такую трубочку до пластического состояния, а затем путем выдувания получал бусинки, одновременно подкачивая воздух для поддержания горения с помощью самодельных кожаных мехов. Затем для придания металлического блеска бусины выдерживали в растворе, содержащем соли свинца, сушили, раскрашивали и нанизывали на нити. Такие стеклянные бусы использовались и для украшения елок.

¹⁶⁴ Флерина Е.А. Образная игрушка и методы ее подачи // Советская игрушка. 1936. № 7. С. 6; Ершова О. Указ. соч.

¹⁶⁵ При описании истории стеклянных клинских елочных украшений были использованы материалы буклета «Клинские елочные украшения» (Мелихово, 2006).

¹⁶⁶ Клинские елочные украшения. С. 10.

¹⁶⁷ Так, изделия завода завоевали большие серебряные медали на Всероссийских мануфактурных выставках в Москве (1861) и Петербурге (1865), на Всемирной выставке в Париже (1889); они экспонировались на Всемирной выставке в Вене в 1873 году и т. д. (см.: там же. С. 15).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.